

Пара Ноя

Повесть

ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ, с чего начать...

Наверное, начать нужно с того, как мы встретились. Но эта история такая длинная и запутанная, к тому же у меня совершенно нет желания вспоминать о том далеком Себе, другом Себе, поэтому... Начну, я, пожалуй, с событий этого лета, ведь именно о нем я хотел бы сейчас рассказать. Да, совершенно верно — можете расценивать эту повесть, как мое сочинение на тему «Как я провел лето».

1

НАЧНЕМ С ТОГО, что ко мне Ее родители никогда не питали теплых чувств. Хотя нет, не так... Правильнее будет сказать: *не воспринимали меня всерьез*. Хочется верить, что таким отношением был бы награжден любой Ее парень, кем бы он ни был. Черт знает, может, так и было бы на самом деле... Но парня с кошельком и

квартирой в Москве выгодно называть зятем, а какого-нибудь обезбашенного уголовника, который никогда не сядет благодаря маленькому счастливому билету, не называть зятем — опасно...

Но как бы то ни было, проверить свою теорию мне не удастся. Я не богач и, к сожалению, не псих. Я никто в этом городе, да и в любом другом — тоже. Пока всего лишь Никто. Да и, похоже, совсем скоро могу потерять и это... Судя по летней сессии (которая теперь осенняя) и аттестации, дела мои плохи. Даже мастера творческого семинара я не устраиваю. Если не найду в себе сил сделать рывок, я потеряю даже то небольшое, что имел, — я не смогу быть здесь Никем, меня просто-напросто больше не будет в Москве. Вылет из института — вылет из общежития. А там армия. Когда-то давно Мать предлагала меня отмазать, пока была возможность. Штук семьдесят, пустяки в таком деле. Но я отказался. Был уверен, что в состоянии закончить институт, а там сам найду выход. Ха... Теперь же с деньгами плохо. Расплачиваются с кредитом за квартиру. Да и какая разница, я бы и сейчас отказался... Пошел бы... в армию... Это уж лучше, чем возвращаться в Воркуту. Когда-то я по-

клялся, что никогда туда не вернусь. Знал бы я тогда, еще в далеком конце июня, сидящий в курилке, грустно и хаотично обо всем этом размышляющий, что всего лишь неделю спустя я буду трястись в поезде, с нетерпением ожидая прибытия...

2

— **СМОТРИ. СБЕЖАВШИЙ** детдомовец защищает уличного котенка... ну, от каких-нибудь бычков. Как думаешь, покатит?

Она нахмурилась и отмахнулась от меня, снова переведя взгляд в книгу.

— Что тут можно еще?.. А, он умрет в драке. Ему нечаянно пробьют голову... — Я едва подавлял зевоту, развалившись с ноутбуком на коленах. — Ну а бычков отмажут богатые родители...

— Слушай, что за бред?

— Да, но это же *социальщина*, верно? Может, мне простят...

— Блин, просто напиши обычную историю из своей жизни. Не надо ничего мудрить.

— ...О! А потом окажется, что детдомовец выжил, и тогда посадят его!

Я натянуто рассмеялся над собственной шуткой.

— И совсем не смешно.

— Да, наверно... вообще ничего веселого, — я хмуро удалил пустой текстовый файл и принялся бесцельно водить курсором. — Я *обязан* написать что-нибудь, что ему понравится. Но ни хрена не прет... Ну *не о чем* мне писать из своей биографии! Идиотизм.

— Слушай, садись лучше античку почитай. Тебе до фига учить, а ты опять ничего не делаешь.

— Да почитаю... Мне главное написать.

— Блеск. Ты надеешься только на своего мастера?

— Ну... Ну, как бы все равно это важнее. Понравишься мастеру — полдела сделано.

— Замечательно.

— Я люблю тебя, — я сонливо улыбнулся.

— Когда вылетишь, будет ясно, как ты меня любишь.

— Я не вылечу.

— Да с чего ты взял?! Почему ты так уверен в этом?

— Потому что уверен. Точно знаю.

— Да? Что ты говоришь!

— Слушай...

— Гриша, если ты так и будешь все время сидеть, играть в свои дурацкие игры и жаловаться,

что у тебя не получается ничего написать — ты *точно* вылетишь! Ай, да так оно все и будет.

— Не вылечу... — тихо сказал я.

Я грустно уставился в монитор, а Она с ледяным выражением лица продолжила пристально читать.

— Ты так и просидишь все лето. И не напишешь ничего, и не выучишь. Надейся на своего мастера, вы ж земляки.

Она была права — я знал это. Понимал, как выгляжу со стороны. Я и сам часто был на себя зол, но я терпеть не мог, просто не мог ничего с собой поделаться, когда Она принимала такое вот выражение лица и говорила таким тоном. Я злился в ответ. Именно поэтому мы с Ней часто ссорились. Я понимал, что за этой маской скрываются любовь и переживания, понимал, что все это защитная реакция, выработанная за годы счастливого детства. Но я до сих пор не могу привыкнуть к тому, как моментально может меняться эта девочка: из маленькой и беленькой в холодную и суровую. И каждый раз, когда все происходило снова, я не мог ничего воспринимать, кроме того, что видел. А видел я агрессию, презрение и ядовитый сарказм. Мда... Но теперь я понимаю, что без ссор и всех этих ситуаций, из них вытекающих, было бы скучно. Это — наша проверка, это дает нам сил. Мы не в Сказке... слава Богу. Верно?

3

— **НУ КАК?** Таковую хотела?

— Гришка, это шикарная книга! Знаешь, мне никто никогда не дарил сказки... А-а-а, Гриш, я просто обожаю Андерсена! — Вся сияя, Она на мгновение прикрыла ладошками улыбку и тут же бросилась обнимать меня.

А я обожал Ее радовать. Никто больше не умел так хорошо улыбаться и радоваться, как Она. Я бы сказал «как ребенок», но это было бы слишком банально. А я, знаете ли, как любой пытающийся измениться позер, бросаюсь из одной крайности в другую и в каждом своем жесте боюсь уличить кич. Ну или штамп, как в данном случае. Неоригинальные боятся штампов. Но банально это выражение или нет, а все-таки большинству хочется видеть в своих избранниках либо ребенка, либо мать, и редко, когда воспринимают их как кого-то совершенно себе равного. Мне же хотелось и того и другого — в зависимости от настроения. Сейчас она была ребенком. Странное восприятие — в такие моменты я ощущал Ее маленьким комочком большого счастья, хотел защищать и убаюкивать, и в

то же время меня безумно влекла к ней и другая страсть... Но вот с этим были проблемы. Ее родители за картонной стеной. Не раз про себя чертыхался: «Кто строил этот чертов дом?!».

Она лежала в постели, я же скромно сидел на самом краю... Она любила тыкаться носиком в страницы и вдыхать их аромат, перелистывать, гладить — особенно страницы новых книг. Она вообще любила книги. Вот и сейчас восторженно рассматривала Андерсена, то и дело широко улыбаясь мне и всячески выражая свое счастье. Да, я обожал Ее радовать... В такие моменты меня самого переполняло что-то, очень похожее на счастье — будто шампанское рвалось по всему телу к темечку, и я не мог сдержать глупой улыбки. Может быть, это еще потому, что с этим человеком я был уверен в его откровенности: никто так открыто не радовался, как Она, никто так открыто не расстраивался.

— Ну вот, видишь, какой я молодец.

— Гриша, а я знала, что ты мне его подаришь!

— Откуда ты это знала, скажи мне?

— А вот! — Она вытянула ручки перед собой вперед ладошками и лукаво склонила набок голове. — Высоко сажу, далеко гляжу, чем ты там без меня занимаешься!

Я рассмеялся, чмокнув Ее. Она прищурила глазки.

— Не знаю, не знаю!

— Ага, да я там только и делаю, что со стенами общаюсь. Брожу один, как привидение. Кстати... — стрельнул глазами на книгу, — я долго выбирал, там разные его сборники были. Боялся, что тебе не понравится... Столько нервов...

— Она именно такая и должна быть! Мне нравится, — Она вновь лукаво улыбнулась и прижала книгу к груди. Вообще я до сих пор не нахожу определения этой Ее улыбке. Такая, опять-таки, как если бы с тобой заигрывал ребенок...

— Люблю тебя...

— И я тебя люблю... Спасибо...

Это было еще зимой, в Лубне, в Ее., то есть в доме Ее родителей. Она лежала после операции. Три месяца, три чертовых месяца разлуки и ссор по телефону... Надо сказать, большинство наших скандалов осуществлялось именно по телефону и интернету, когда мы были на расстоянии. Да, тяжелое было время... для Нее и для меня. Для Нее особенно. Я должен был быть умнее, не вестись на провокации. Я ведь понимал, каково Ей сейчас, прикованной к кровати и костылям. Она всегда презирала тех, кто всю жизнь ходит «по стенке», драйв и постоянная битва были для Нее единственным приемлемым образом жизни. Она ведь не такая, как я, из совершенно другого Ми-

ра... В то время, как я рос на компьютерных удобствах в четырех стенах, Она развивалась совершенно иначе — на тех улицах, про которые снимают криминальные драмы... Она с самого детства притягивала неудачи, а я... я не стал бы называть себя неудачливым. Лузером — вполне, но никак не неудачливым... И вот, теперь весь Ее образ жизни был навсегда перечеркнут. Ни спорта, ни, дай Бог, стычек. Вы знаете, я бы с готовностью поменялся с Ней местами. Не из пустого благородства, а потому, что мне тогда впервые стало совестно: я одарен тем, чем не пользуюсь... В общем, вы должны понимать.

Для наших скандалов это было первой причиной и, я так думаю, самой главной. А если у Нее была одна главная причина, недолго было всплыть и всем второстепенным. Апатия, разлука, гнет родителей вдобавок, которые очень своеобразно ухаживали за Ней... Нет, они Ее любили, но какой-то деспотической любовью, они просто не понимали Ее претензий и внутренних запросов. Отсюда слезы, срывы, чувство бессилия, и потому злость. Отсюда вытекал уж совсем сумасшедший бред. Паранойя, ревность, жгучее недоверие ко мне. И... И все это уж совсем срывало мне крышу... Я должен был быть умнее.

4

— ГРИШ, мне вкусно.

Я улыбнулся и облизнул «фруктовый лед», пытаюсь не уронить надломленную верхушку.

— А тебе?

— Ага... Так круто, что у них оказался «фруктовый лед». Лет с десяти его не ел... Помню, как однажды во всем городе вырубил свет (это было в Комрате), и в нашем магазинчике несколько часов не работали морозильники. Мороженое у них превратилось во что-то неэстетичное, и нам продавали «фруктовый лед» за полцены... Был же праздник! А-а!.. блин... холодно... жаржа... — Верхушка все же обломилась, и пришлось ее отхватить целиком. Терпеть не мог, когда такое происходило — ронять мороженое было жалко, поэтому часто приходилось хватать кусками, от чего сразу начинало саднить зубы, а я, как дурак, морщился с закинутой головой и полуоткрытым ртом, глотая слюни.

— Ну ты глупый? Зачем кусками глотаешь?

Ничего ответить я не мог, поэтому только промывчал, сделав несчастное лицо. С Ней я любил делаться «несчастливым», мне нравилось, когда Она меня жалела.

Она засмеялась и стала гладить меня по голове:

— Маленький мой, выплюнь.

— Не-е... Я шмогу...

— Глупый такой.

Это было уже снова в конце июня. Сессия была позади — сегодня у Нее был последний экзамен — и мы сидели в скверике на лавочке, радуясь солнцу и свободе. Она ела «лакомку» и рассматривала только что купленные книги. Она вообще очень любила мороженое, в отличие от меня. День выдался жаркий, но я, как бы это глупо ни звучало, не мог позволить себе пить при Ней пиво, это... это сложно объяснить... Сразу начинал чувствовать себя каким-то брутальным мужланом, что ли... В общем, не мог.

По случаю окончания сессии настроение было приподнятое, но не более того. Думал, вздохну полной грудью, но отчего-то облегчения не наступало, не витало Свободы в моих легких... Я не мог полностью прочувствовать «каникул», отчетливо ощущал, как висят за спиной «хвосты», и мысли ежеминутно отправлялись в осень... Хотя, Господи, какие каникулы?! Два семестра у меня были каникулы.

— Как ножка?..

— Ну так... болит немного.

Я грустно посмотрел на палку, прислоненную рядом. В сентябре Она уже должна была ее бросить... Так странно, эта металлическая штучковина уже настолько въелась в мою память, что я воспринимал ее, как часть тела... Ее тела, а значит, и моего — я всегда шел рядом. Представляю, как Она эту железяку ненавидела.

Уже тогда, на скамейке в июне, я считал, что с точностью знаю, *что* это из себя, каково это — когда в тебе нечто чужеродное, искусственное. Я серьезно думал, что знаю, что это за боль, знаю, каково чувствовать себя в толпе. Я чувствовал злость и враждебность к скоплениям народа, эскалаторам метро, ступенькам, очередям, избалованным детям, глазающим на мою... Ее палку. Я ненавидел слишком быстрые светофоры и двери лифтов и электричек, боялся турникетов... Я чувствовал всю ту злость и страх, что чувствовала Она, будто это чувство током перетекало по напряженным мышцам из Ее руки в мою. Я словно чувствовал в *своей* ноге этот протез. Пару раз у меня даже побаливало как раз в этом месте... Уже клиника, наверно. За пределами комнаты я был целиком и полностью замкнут только на Ее ногах. Я старался, но был рассеян. Не раз возникали скандалы именно по этому поводу. Я признавал свою вину, но когда на меня орали из-за того, что выронил вилку из рук или нечаянно задел прислоненную к чему-

нибудь палку, меня это бесило. Бесила... как я это называл?... *бесчеловечность*. Было обидно, что я стараюсь, а меня обвиняют в том, что думаю только о себе, в том, что не заметна моя любовь и, черт возьми, в таких мелочах вроде выроненной вилки, из-за которой Она ничуть не пострадала. Одно дело, когда я нечаянно наступал Ей на ногу, а тут... В общем, это меня возмущало сильнее некуда. Наверно, мне просто-напросто не хватало зрелости. В теории я все прекрасно понимал и расставлял по полочкам, но практика — дело совершенно другое. Для того, чтоб смеяться при сердечном припадке, нужен опыт.

5

— ГРИША, Я ТЕРПЕТЬ не могу рассеянных людей, которые постоянно что-то роняют!

— Слушай, ты просто не можешь без скандалов, да?? Из-за такой... чуши! Я просто охреневаю каждый раз.

— Это не чушь, неужели ты не можешь быть внимательней?! У тебя *постоянно* все валится из рук!.. Ты ленив и несобран. Ходишь постоянно вялый, как не знаю что! Ф-фу... противно даже.

— Хватит!! Хватит мне с этим своим «противно»! Ты это так произносишь, будто я самое мерзостное существо на свете! Что тебе *не* противно?! Что, скажи мне, золотце?? Я просто ненавижу, когда ты начинаешь так вот стервить — *по пустякам!*

— Да, меня *бесят* рассеянные и неуклюжие! Мне *не* противны обычные, нормальные люди.

— Да, черт, я *ненормальный человек!!!* Да, рассеянный! Но *родился* я таким, что мне теперь, сдохнуть?! Я просто... я не понимаю, как можно быть *такой!!* Я не представляю, как можно ругать человека — тем более *любимого* человека — за такую чушь?!

— Гриша, такими не рождаются! Надо следить и работать над собой, чтоб не ронять. Ты постоянно ворон ловишь!

— Я и так стараюсь.

— Да ни фига ты не стараешься. Что-то не видно результатов.

— Слушай, думаешь, это так легко??? Еще раз повторяю: я *такой родился* и не виноват, что у меня не получается сразу переделать себя! Если бы я родился дауном, ты бы обвиняла меня в том, что я тупой???

— Хватит, это разные вещи! Ты совершенно здоров, в отличие от меня! Ты всегда жаловался, что я не чувствую защиты, когда мы с тобой

куда-то идем. Как я могу быть спокойна, когда ты и защитить, если что, не сможешь и, к тому же, сам еще можешь мне на ногу наступить?! Ну *что*, Гриша?! Что ты такое лицо сделал, не так, разве?? Посмотри на себя!

— Приятного аппетита.

— Давай, иди покури, музыку послушай!.. Развейся!! Успокой себя и снова продолжай в таком же духе, как ты обычно делаешь!!

Тогда я действительно не понимал, был просто ошарашен многими Ее обвинениями. Я и сейчас, надо сказать, много с чем не согласен — может, не столько с самим обвинением, сколько с Ее подходом. Но теперь я, пожалуй, научился кое на что смотреть Ее глазами. Если я неуклюж, рассеян, невнимателен, пассивен — виноват в этом только Я. Человек сам решает, каким ему быть, а каким — нет. Человек может быть с физическими недостатками, но если он себя поставит, как следует, при всех своих бедах он может оставаться гордым, обворожительным и неприступным. И у такого человека будет по-прежнему толпа поклонников. Человек может казаться слабым и беззащитным, но такого человека будут бояться и уважать. Кто-то может совершенно не иметь музыкального слуха, у кого-то могут быть проблемы с хореографией, но если у этих людей есть усидчивость и титаническая целеустремленность, их произведения и выступления будут всемирно известны. Среди знаменитостей — живых и мертвых — много таких примеров, достаточно примеров и среди «простых смертных». И Она, пожалуй, тоже одна из Них — тех людей, которых она называла «обычными» и «нормальными». Не знаю, как я Ей, но Она открыла мне глаза на многое. Хоть у нас и совершенно разное видение многих вещей, спустя столько лет... Господи... *месяцев* вместе (по-моему, все календари врут...), мы многое стали видеть одинаково... ну, или почти одинаково. Наверное, я поднял планку, требования — к другим, и, в первую очередь, к себе. А Она... думаю, Она стала значительно мягче и выучила понятие «компромисс». Не верится, что нам когда-нибудь удастся достигнуть той общей точки, но... надеяться не грех, верно? Будем такими вот «полурадикалами».

6

— В ДЕТСТВЕ Я МЕЧТАЛА, что буду жить на чердаке.

— На чердаке?..

— Да, я хотела свой собственный чердак. Там было бы тепло и уютно. Места мало, но все об-

ставлено именно так, как я хочу. Мои любимые книги, моя любимая музыка, любимые filmy...

Я улыбнулся и прижал Ее к себе покрепче. Мы лежали в темноте, а за окном шелестел дождь.

— Хотелось жить одной, жить, как хочется. Ходила бы на работу, а вечером возвращалась бы к себе на чердак... Так спокойно, когда знаешь, что у тебя есть дом, какое-то место, где ты хоть на час, но сможешь расслабиться и почувствовать себя в безопасности.

— А я думал, ты постоянно ждешь какой-нибудь стычки... Ты разве не кайфуешь от этого?..

— Очень смешно... Просто нужно быть готовой всегда. Я и готова.

— Мда... Тебе нужно научиться расслабляться, солнышко. Это же... это страшно быть постоянно в напряжении, в ожидании дать кому-то отпор... как у тебя мышцы не сводит?.. Жутко.

— Ну, я всегда знала, что приду домой и смогу вздохнуть спокойно. Там мама, папа.

Я усмехнулся.

— Да уж, твой папа... я его боюсь.

Она улыбнулась и запустила руку мне в волосы. Прижать Ее сильнее я боялся — нога... Вообще после операции (даже после тех трех месяцев постельного режима) я долго не мог расслабиться в непосредственной близости с Ней: опасения причинить боль переросли чуть ли не в фобию. Я пытался не забывать о ноге ни секунды, ведь когда забывал, обязательно каким-нибудь образом задевал или надавливал. Моя маленькая хрустальная ножка... Теперь эта боязнь так въелась в меня, что мне никогда от нее не избавиться, даже если б все полностью выздоровело. Ах, если бы... Дошло до того, что, помнится, когда я шел с каким-то знакомым, поймал себя на мысли, что опасаясь наступить ему на ногу...

— Папа добрый. Да, он псих, но справедливый.

Я засмеялся.

— Такой же сорвиголова?

— Ууу, Гришенька!

Я поцеловал Ее. Так смешно было, когда она в темноте морщила глазки, чтобы рассмотреть мое лицо.

— Да, я тоже думаю, что он хороший. Помню, когда я знал о них только по твоим рассказам... помнишь, ты меня в первый раз домой пригласила? На Рождество?

— Ой, еще бы не помнить. Ты тогда так тряся еще. Глупый такой.

— Ааа, я думал, содохну! Ты знаешь, после твоих рассказов мне очень хотелось с ним познакомиться... но я его реально побаивался. Вообще я не пойму... Они так хорошо отнеслись ко мне тогда, да и вообще все это время были очень гостеприимны... Если б ты не рассказала, что они за спиной говорят, никогда бы не подумал... Мне, конечно, все это пофигу, но все равно грустно...

— Гриш, — она повернула мою голову к себе, — но Я тебя люблю, ты же знаешь. Ты для меня гораздо важнее.

— Лапочка...

Мы на минуту замолчали. В голове медленно плыли мысли, а дождь за окном тем временем прекратился. Лишь изредка капало с карнизов, тихим стуком переключая одну мысль на другую.

— Я вот только все понять не могу... Твой отец... он же интересный человек. Он мне действительно кажется добрым, почему же он всегда ведется на поводу у твоей мамы? Кричит на тебя за то, за что, как мне кажется, он бы кричать не стал. Ладно твоя мама — это отдельный разговор — но *он* разве не видит, когда она не права? Если он так тебя любит, неужели он тебя никогда не защищал?

— Ой, мой папа... Понимаешь, когда он с мамой, он вообще как будто без своего мнения. Он все делает так, как скажет она. Он мог поначалу что-то возразить, но мама вечно заговаривала его, и папа начинал ей поддакивать. Фу, тошно просто... Мог бы даже просто промолчать.

— Мда, никогда бы не подумал. Как-то странно совмещать в нем все это... Я был уверен, что человек с таким характером должен быть главным в семье. Хотя, в принципе, я сам все видел, когда гостил у вас. Помню, удивился еще, даже жалко его стало...

— Да он ее любит безумно. Вот и все.

— Но это же не значит, что надо опускаться до уровня цепного пса, верно??

— Ай, Гриша... — Она нахмурилась, — А ты для меня не стал бы всего делать?? Не любишь меня...

— Нет, ну слушай, я серьезно! Надо же меру знать! Какова бы ты была, если бы заставляла меня совершать что-то неправильное?

— Да знаю я... На самом деле я тоже считаю, что она часто не права, я не стала бы всего этого делать. Просто папа... понимаешь, ее моральные своды — его моральные своды. Он православный, потому что мама православная. Была бы она сектанткой, он бы лично потрошил ее жертвенные подношения. Мама — его Библия. И ве-

дет он себя иногда очень нехорошо, хоть и добрый.

— На тебя часто кричали, да? Поэтому ты хотела свой чердак?..

— Я не могу с ними долго находиться в одном доме. Они постоянно свою догму задвигают... Говорят, что мне делать, всюду свой нос суют. Раньше даже в ящиках моих рылись. Если находили записки от мальчиков, орали на меня. Даже когда я статьи для института писала, мама всегда тыкала мне, что нужно исправить. Бред, сама ничего не понимает ни в литературе, ни в критике, а суется. Если видели в книге хоть какой-то намек на *секс*, или если в рассказе напишу слово «сука»... ты что, сразу скандал. Я ведь, когда в общаге стала жить, поправилась очень. Мне все говорили, что я лучше выглядеть стала. Потому что я ела то, что хотела, и тогда, когда хотела.

Ей нравится быть чуть полноватой, поэтому «поправилась» всегда рассматривалось как «хорошо». Так забавно, это первая на моей памяти девчонка, которая так считает.

— Офигеть просто... А я еще считал, что меня родители слишком достают... Жесть, я думал, такое только в фильмах бывает. Но неужели они тебя плохо кормили?.. За те дни у вас я наелся на год вперед...

— Да нет, нормально кормили, просто мне так надоела вся эта пища... Все одно и то же, с детства... Хочу готовить сама, что мне нравится.

— Почему бы не готовить самой дома?

— Потому что... ай, ну как ты не поймешь!..

Я промолчал. И задумчиво стал Ее тихонько гладить. Что было сказать? Непонимание сшибалось с непониманием... А Она, вдобавок, переживала все это слишком остро. Вообще, тут стоило бы немного рассказать об этой не совсем обычной семье.

Оба Ее родителя происходили из древних дворянских родов. И сами они были до корней волос аристократами — аристократами с завещанным предками разбитым корытом, которых насильно трансформировала неаристократическая среда. Трансформировала, да не до конца. Вокруг этой семьи постоянно вертелись какие-то невообразимые нелепости, во многом даже мистические. Например, Ее дядя обладал такой силой, что однажды перекинул одной рукой паренька через небольшую речку, но в то же время его неуклюжие толстые пальцы создавали такие кропотливые, шедевральные иконы из бисера, что, пусть он это дело в ход, стал бы миллионером. По крайней мере, так сказал как-то один изумленный коллекционер, случайно побывавший в затхлой, провонявшей комна-

тушке того богатыря. Да, кстати, дядя этот спился и пьет до сих пор. Удивительно, как еще жив. Знаю, эта история походит на какой-нибудь гротескный фольклор, но уверяю, что я здесь ни капли не прибавил своего. В этом-то и вся мистика... Или вот однажды им довелось пожить в загадочной пятиэтажке, которая в любое время дня и года находилась в тени. Говорят, раньше там было кладбище. В этом доме всегда был холод и перебои с электричеством и радиотехникой. Съехали они оттуда тогда, когда чертовщина, творящаяся в этом месте, стала сводить с ума мать. Какие-то шумы ночью, пропадающие вещи, покрывающиеся к утру льдом батареи... в летнее время. Однажды Ее отец услышал топот, заглянул под кровать, а там — мерно отстукивали два лошадиных копыта. Может, нервное, приснилось, кто знает — скептик найдет оправдание всему, если захочет. Но когда в этом доме умер от рака пятый человек, а Ее старшая сестра чуть не выбросилась во сне из окна, мать в истериках настояла съехать оттуда во что бы то ни стало...

Но это так, лишь некоторые из многих странных баек, которые Она мне рассказывала вечерами. Я в них действительно верил, я Ей верил, но для вас это все-таки байки. Мы много раз за жизнь слышим, как с кем-то случилось что-то невероятное, и вроде как даже поверить готовы, но не до конца — потому что нас, к сожалению, такие случаи обходят стороной.

Много еще чего можно было бы рассказывать о Ее семье. Но я не стану, скажу лишь то, что, как мне кажется, имеет отношение к тому нашему разговору про чердак. Хотелось бы немного пояснить, оправдать их... Я ведь действительно не считаю их плохими людьми — даже после стольких... эм... *происшествий* между нами. Ее семье всегда приходилось нелегко, этим аристократическим сердцам. За испытанием приходило испытание, их мотало из стороны в сторону — будто что-то испытывало их чувства, жизнеспособность. То у одного, то у другого случалось что-то страшное: сначала мать вынуждена была закончить карьеру балерины из-за поврежденной шеи, затем у отца нашли опухоль, потом еще букет всяких неприятностей... Все происходило периодически, вперемешку с экономическими ударами. И вот, Ее ножка — это лишь новая страничка семейного альбома. Так что неудивительно, что это сделало Ее родителей, да и Ее саму нервными, посеяло в душе и мозгу множество язв, которые не успевали заживать. Всеми своими бедами они и сближались, и в то же время высекали искры друг из друга, насильно и до боли пытаюсь стянуть

опоясывающую их семейную цепь, которая болталась и скрипела. Они оставались гордыми и выносливыми аристократами. Если бы их души не обременяли измученные тела, не оплетали размочаленные нервы, возможно, они были бы святы.

— Мда... Ладно, не будем об этом, ты загрузила... Смотри, дождь прекратился.

— Да...

Я вздохнул, вспомнил о ножке и чуть отодвинулся.

— Так хорошо, что мой деловой сосед на работе, — я улыбнулся, — можем всю ночь здесь лежать. Может, все-таки у меня поспишь?..

— Гриш, ну нельзя... нога... Тут у тебя еще кровать дурацкая. Пружины давят... — Она чуть приподнялась и, поморщившись, несколько раз передвинулась, пытаясь лечь поудобнее.

— Я их вообще не чувствую...

— Ну, может, уже поймешь, что я теперь чувствую все острее??

Я вздохнул.

— Да...

— Когда уже, а?.. Мы теперь даже лежать вместе долго не можем...

— Маленький мой, ну... Ну скоро уже, мне самой от этого плохо...

— Да, солнышко, знаю... Прости...

7

ИНОГДА ТАК ТОШНО становится. Невыносимо тошно, тоскливо, жутко и... страшно. Я ощущаю себя мечущейся душой, новоявленным призраком на рассвете, сквозь которого светят лучи Солнца. Пока я гляжу на всплывающее Солнце из тени, не понимающий мира живых и не разбирающийся в мире мертвых, я восхищаюсь его красотой, думаю о том, какое же оно светлое и теплое. Но когда я застигнут им врасплох у своей или чужих могил, и его лучи протыкают меня насквозь, высвечивая все мое *ничто* и эти клубы струящейся пыли, к разуму подкатывает тошнота. Эта пыль, мерзкая, грязная, вездесущая пыль... пыль, из которой состоит, наверное, каждый человек, и которую видно только при определенном свете — как теперь, например, во время этих странных и ненужных озарений. Одни авторы рисуют эту пыль сверкающей и завораживающей или вовсе ее не видят, ваяя «идеалы» людей и человеческих отношений. Другие же высвечивают ее во всей своей откровенности и пошлости, создавая, по их мнению, истинный облик сущего. Я чувствую себя странно и растерянно... Мне

противна сопливая приторность первых — я был одним из толпы крикунов, презирающей и насмехающейся над искусственным розовым цветом и призывающей вернуться к Реальности, распахнуть глаза. Но вторые... вот, после них мне и становилось жутко. Искренне не хотелось верить в *такую* Реальность, в такое Солнце, в такую природу людей и вещей — грязную и порочную по своей сути. Но совершенно не верить не мог, и в такие моменты яд свежепрочитанного или свежепросмотренного разливался по грудной клетке, заражая чувства и обжигая детскую наивность... Чего вдруг такие философствования? А у вас не бывает?.. Не бывает, что случится вдруг что-то, и грязь в очередной раз нахлынет внутрь, пробив ослабевшую защиту? Не бывает — у тех, кто все еще не хочет смириться?.. Это похоже на то, как человека оперируют, а он еще в сознании, пытается противиться, смириться, взять себя в руки или вырубиться, в конце концов, — но не может...

После операции, во время этих бесконечных ссор, нервов, ее истерик и моих постных, неискренних успокаиваний, со мной такое случалось не раз. Не раз я сомневался в своем чувстве — так все осточертевало. И вот в такие моменты надо было бы поменьше думать. Поступать, как всегда поступал в таких случаях — отвлекаться игрой или книгой, убежать от сиюминутной реальности и собственной лжи. Надо было бы...

Порой кажется, что все — чушь. Все абсолютно. Благие намерения, чувства и все в том же роде... Все крутится лишь вокруг себя самого, себя Любимого, себя Ненавистного. Любовь? Недаром говорят, что любящие парочки похожи друг на друга — как минимум внешне. Человек любит в другом себя, он же в другом себя ненавидит. Да и очень часто ты влюбляешься не в нее, а в свое отражение в ее восторженных глазах. Помощь близкому? Лишь очередная порция корма для своего самолюбия. Самопожертвование? Туда же. Хотелось бы пожертвовать собой моментально и эффектно — чтоб сразу же получить реакцию окружающих, чтоб сразу же получить награду. Нет ничего ценнее и приятнее, чем чувствовать себя Героем, ублажать свое эго. Ощущать себя добряком или святым, но при этом каяться в греховности — тоже выгодно, та же пошлая игра. Ублажать совесть, наслаждаться «чистотой» и скромностью... Сочувствие, соболезнование, жалость? Давно известно: это не что иное, как примерка чужих бед и боли на себя, реакция на возможность, что это случится с тобой. Не зря по-настоящему сильные люди менее жалостливы. Господи, да перечислять можно бесконечно!.. Я и перечислял... Лежал с зеле-

ным лицом и перечислял, получая, опять-таки, большое наслаждение от того, что злюсь на наши пороки и *каюсь*. И вот когда все это прокручивалось в голове, когда беспощадный грязный мир *вторых* наваливался всем грузом, становилось невыносимо тяжело... Хотелось избавиться от всего этого, во что бы то ни стало избавиться: не столько от самих вещей, сколько от подобного их осознания. Впитать, растворить, уподобиться, смириться... да что угодно! Лишь бы не думать, Господи, лишь бы не думать...

Когда отхлынет, хочется нежности. Хочется позвонить Ей и лить до бесконечности мед в уши — не приторный, но умеренный — все еще веря и надеясь на светлое теплое Солнце... Хочется прижаться и не отпускать, жалея, жалеясь и наслаждаясь *чистотой*, искренне надеясь и веря в нее, веря в то, что по крайней мере мы вдвоем, обособившиеся птенцы, остались в этом мире нетронутыми грязью. Это время, когда не неприятны чрезмерные «сопли». Время, когда не хочется ни плотских ласканий, ни пошлых шуток, ни трезвых дискуссий — хочется просто тепла... И в этот момент я искренне счастлив, что мне всего этого не хочется. Возможно, я все еще ребенок, возможно, это просто глупые размышления диванного сидня, еще не повидавшего жизнь и не слившегося с нею. Возможно... Я еще не нашел ответов. Надеюсь, найду их нескоро.

8

ПОСЛЕ ТОЙ НОЧИ, когда мы лежали в темноте и болтали, события стали протекать очень стремительно. Может, со стороны все выглядело иначе, но я знаю точно, как все мчалось тогда в наших головах. 28 июня стартовал новый эпизод нашей жизни, и здесь начинается новая часть моей истории, основная часть.

Следовало много диалогов, которые я мог бы вам продемонстрировать (многие из них мне совсем не хотелось бы воспроизводить снова), но все происходило так стремительно и напряженно, что, вдаваясь я сейчас в детали, мне не удалось бы передать вам той атмосферы. Вообще, я не особо помню, о чем мы тогда говорили — ощущения заслоняли слова...

На самом деле, все это такой бред... полнейший бред. До этого все выходные, праздники и каникулы Она проводила дома. Видимо, появление меня в Ее жизни мало на что повлияло, и это лето Она тоже должна была проводить в Лубне. Должна была, вот только не хотела. По нашему плану мы собирались остаться в общежитии, жить вместе, читать, отдыхать и работать.

Она всегда хотела быть самостоятельной и ни от кого не зависеть. Я не в счет. Сейчас, когда мы вот-вот должны пожениться, почему бы не сделаться независимыми от родителей? По-моему, самое время. Я собирался устроиться на работу, а для Нее пока достаточно было бы попробовать пробиться в журналы — не из-за денег даже, ради наличия печатных статей. Она, конечно, хотела приносить в дом заработок еще каким-нибудь способом (вообще мы много чего придумывали, и не перечислить), но мне-то главное, чтоб она просто была рядом — тем более в период реабилитации. Вроде бы уже с самого начала все складывалось успешно. Найти более-менее приличные газеты, которые бы печатали без наличия практики, сейчас фактически невозможно, сами знаете. Нам подфартило — один не самый малоизвестный журнал предоставил Ей шанс. На руках уже была книга, и все, что требовалось, — так это написать приличную рецензию. Всего-то. Помню, какой радостной Она тогда была. По поводу моей работы мы тоже присмотрели парочку выгодных вариантов. Да, все шло как надо. До того дня, как Ее родители не пообещали приехать и забрать Ее силком... Вообще много разговоров тогда было, да и ссор с ними по телефону. Я не совался, просто сидел рядом, сжимал Ее ладонь, которую Она то и дело отдергивала, и слушал перепалку. Ее вспыльчивость и манера общения, да еще и их взаимное, совершенное непонимание друг друга перечеркивали все шансы уладить спор миром. Конечно, я пытался Ей подсказать, что и как лучше сказать, объяснить, то и дело подталкивал попытаться еще, но... это Она. То и дело повторялось: «А может, ты поговоришь ласково?..», «А может, ты просто спокойно все объяснишь, неужели не поймут?..», «Может просто, в конце концов, скажешь «НЕТ»?..» Будь решительна, дай наконец понять, что ты уже взрослая!..». Бесполезно. Не раз Она и на меня срывалась во время моих «наставлений».

— Да неужели они тебя просто вот так вот приедут и утащат силой?! Такой бред, как это вообще возможно?? Тебе почти двадцать! — По сути, я повторял восклицания Ее друзей. Никто не мог понять Ее переполоха. От этого Она становилась только злей. Мне, честно говоря, даже после Ее пылких убеждений, опасность тоже не представлялась такой жуткой. Но я знал, каково это, когда тебе не верит даже самый близкий человек, и потому чаще всего держал свое мнение при себе. Ну или по крайней мере старался озвучивать его как можно мягче...

— Гриша, мой папа, когда злой, может сделать все, что угодно! Они не поймут, что делают

мне плохо, мама будет считать, что это мне во благо!..

— Да, но не станут же они тебе боль причинять!.. Это же абсурд, ну сама подумай. У тебя нога еще вдобавок... Блин, да тронуть они тебя не посмеют в любом случае, о чем разговор?.. Я не позволю.

— Я боюсь, Гриша, не представляешь, как боюсь...

Она была бледная, Ее чуть ли не трясло, и я отчетливо понимал, что все, что Она сейчас говорит, — это паника человека, который почти никогда не пасовал перед трудностями. Особенно перед такими вот разборками. Все это вводило меня в ступор, и я волей-неволей, но заразился Ее страхом и отчаянием, хоть и держал себя в руках. Сейчас я думаю, что держался я только потому, что не осознавал и не мог осознать всей опасности, которой, может быть, и не было...

— За тебя в особенности... Он псих, убить может. Когда сестра сбежала из дома к парню, папа чуть было не избил его. И избил бы, если б тот этого вовремя не предвидел.

Наверно, страх был еще оттого, что я достаточно знал Ее отца. Да и наслушался достаточно... С тех пор, вплоть до недавнего времени, когда он вполне дружелюбно со мной поздоровался, я жил с той мыслью, что на мне красная метка мишени.

— Этого никто не понимает... Да и не поймет никогда, они не жили в этой семье.

Я обнял Ее. Она отрешенно смотрела в сторону. Я не знал, что следует сказать или сделать... не знал даже, как отвлечь или успокоить. Как-то я пытался Ее отвлечь, но она только раскричалась: как я могу говорить сейчас о какой-то чепухе. С тех пор я был совершенно в растерянности. Чувствовал вину из-за своего неумения успокаивать, из-за неумения внушить защищенность... В такие моменты я чувствовал себя просто глупым неуклюжим мальчонкой, не способным никогда возмужать.

— Гриш, нам нужно уехать... Срочно. Я не вернусь к ним. Не потерплю такого обращения.

— Уехать?.. — На какое-то время я смешался. Мысли засуетились быстро и хаотично. Нехорошие мысли, мысли предателя. Я постарался от них отмахнуться. — Куда?.. В Ростове еще квартира недоделана... В Комрат можно было бы попробовать. Там куча родни. Может, у кого-нибудь найдется место... Но... Уезжать... Может...?

— Гриш, давай уедем в Воркуту, а? Подальше отсюда... Твоя мама согласится?

— ЧТО СЕСТРА?.. ГОВОРИЛА с ней сегодня?

— Говорит, у мамы по телефону голос странный... Гриш... Они с мужем билеты в Рязань взяли... Сестра сама боится, видно даже, что не хочет во все это ввязываться.

— Мама не подозревает?

— Вроде нет... не знаю. Разговаривает вроде нормально, но видно, что едва сдерживается... Ждет наверно, пока я приеду. Там и начнется...

Этот разговор состоялся вечером, через несколько дней. С вещами было почти покончено, мы сидели в комнате и искали, чем занять руки. Каждый был на своей волне переживаний. Тот факт, что Ее тридцатилетняя сестра и даже тридцатипятилетний муж тридцатилетней сестры, лишь косвенно причастные к нашему побегу (если неразглашение тайны и осторожное наблюдение за родителями можно назвать *причастностью*), решили поскорее свалить с детьми в отпуск, ввел в ступор и меня, и наших близких друзей, активно следящих за развитием событий. Это разволновало меня еще больше и в очередной раз на шаг приблизило к Ее состоянию. Она же, похоже, этому не удивилась. В последние дни в комнате заметно похолодало...

Как я уже говорил, когда-то я зарекся возвращаться в Воркуту, в этот вечно умирающий город. С одной стороны, Воркута как Воркута — обычный северный городишко с темным прошлым, светлым недавним прошлым, пасмурным настоящим и *никаким* будущим. Но для человека, которого связывает с городом кусочек прошлого и ряд нерадостных/радостных воспоминаний и ассоциаций, этот город перестает быть просто постройкой. И он не может воспринимать или оценивать Город трезво — Город навсегда останется живым организмом, оживленным эмоциями этого самого человека. Принцип зеркала. Сначала Город (даже не сам город, что уж там — а люди и события в нем) действует на тебя, потом ты действуешь на Город. И Город предстает таким, каким ты его пожелал увидеть, пусть даже только в твоей голове. Что-то я закрутил... Хм, в общем, мне не очень-то хотелось бы говорить о Воркуте. Если хотите узнать, что за место вообще такое — поройтесь лучше в интернете, от меня будет мало пользы. И без лишнего раздражения пропустите следующий абзац.

Представьте себе древнее чудище, навеки уснувшее в тундре, зарывшись в мерзлую землю. Его громадная спина обросла шахтами и постройками, заселилась людьми, которые на протяжении шести десятков лет активно выкачива-

ли из чудища соки. Теперь чудище едва дышит: взять с него больше практически нечего, хоть и пробуравили всю спину вдоль и поперек. Постройка похудела и превратилась в руины, а то, что еще не превратилось, обветшало и дышит на ладан. Теперь люди там застряли, раскрасили кучку домов в солнечный и вторят жожаку о том, что их Город ждет светлое будущее, что эта развороченная спина бедняги-великана — надежда всего государства. Однажды мэр в прямом эфире даже назвал Воркуту «столицей мира», причем безо всякой иронии... Прогнозы же дают этой дыре лет десять от силы. Люди поумнее и/или побогаче свалили оттуда давно, и, по мере сил, продолжают переселяться. Остальные застряли. Холодные и неприветливые, под стать Городу. Если вы все это представите, вы увидите то же, что и я: вечно умирающий организм, словно застывший в кубе льда в самое мгновенное смерти. Вы увидите *мою* Воркуту.

Мне, безусловно, повезло, что удалось вырваться оттуда. Я рассказывал Ей свою историю раз сто, но Она почему-то решила уехать именно туда!.. Понятное дело, я старался как можно мягче предложить альтернативные решения, я цеплялся за любой шанс не возвращаться в этот город, хотя и понимал, каково Ей. Да если б не понимал, никогда бы не согласился даже рассматривать такой вариант...

— ... Почему бы не в Комрат? Там тепло, фрукты, воздух свежий... Ты говорила, что никогда не была на шашлыках! Так вот он шанс!.. Малышка, там вино и много знакомых, ну?.. Отвлечься сможем, за границу они за нами точно не сунутся.

— Да блин, у меня загранпаспорта нет! Сколько раз можно повторять?

— Точно... Хм. Ну так сделаем давай, а? Сколько там делать-то его. А пока здесь где-нибудь перекантуемся.

— Два месяца?

— Черт... Так, давай думать. Должен же быть выход... другой. Смотри, в Ростове сейчас ничего. Квартира голая, да, но можно будет кровать поставить, и нормально. Ванную тем более уже сделали... — В тот момент даже не обдумывались как-то условия для жизни, даже самые элементарные. Мои мысли текли только в одном направлении — найти убежище, и пусть это убежище не будет Воркутой.

Она по большей части молчала, отвечала мало и сдержанно — чаще всего раздраженно. Лицо у Нее было бледным, а по глазам было видно, как в голове судорожно крутятся мысли. Такой скованной от страха я Ее еще не видел. Похоже, поиском вариантов был занят один я — Она же

уже давно остановилась на этом проклятом городе...

— Ну мы, в конце концов, можем пожить в общежитии, просто в другой комнате!.. Ну послушай ты меня, все вовсе не так ужасно, как кажется, тебе просто надо набраться сил и перетерпеть... Это такой период, понимаешь?.. У всех с родителями рано или поздно встает такой вопрос...

— Да не *такой* уж, Гриша!

— И все же единственное, что нужно сейчас, — это поставить точку. Просто тебе надо быть с ними решительной. Стоять на своем до конца, дать понять, что ты уже самостоятельная и вправе сама решать...

— Да, Гриша? Я сейчас не в том положении вообще-то, если ты не заметил!! Тебе легко говорить! Я просто хочу уехать и все!!! Неужели ты не понимаешь??..

— Ну не заводись, ну... Я же просто... — Я зямлся и провел ладонью по лицу. Любое неосторожное объяснение могло быть понято не так, когда Она в таком состоянии. А я в такие моменты излагался довольно-таки неумело...

— Послушай, я буду с тобой в любом случае, что бы ни случилось. Если нужно будет уехать в другой город и институт бросить — я с тобой. Ты просто неправильно понимаешь... Ты не слушаешь меня. Я просто хочу решить эту проблему как можно проще... ну, то есть ...не обязательно же так вот сваливать сразу в другой город!.. В общаге семь этажей, мы вполне могли бы на время поселиться в другой комнате, да и вообще...

— Да они могут по всем комнатам ходить, соседей трясти, выпытывать!..

Я тяжело вздохнул, пытаюсь не нервничать.

— ... Запросто могут! Мой папа — он такой!..

— Хорошо. Но чем Ростов тебя не устраивает? Уже не Москва.

— А там папа твой будет, да?..

— Папа?.. Ээ ... нет. Он же тут, в Подмоскowie работает...

— Нет, не могу... Как мы там одни?.. Они знают, что у вас квартира новая в Ростове.

— Ага, а адрес?

— ... В Воркуте твоя мама, мне как-то спокойнее будет. Если даже нагрянут, там она будет... и мама моя, может, смягчится.

— Да почему???

— Ну Гриша, у нее к мамам хорошее отношение... Будет знать, что обо мне кто-то взрослый заботится... Ай, не знаю!.. Давай же просто уедем туда!!!

Я просто не знал, что ответить, — наши «беседы» доходили тогда до полного абсурда... Со-

вершенно, совершенно непонятная Ее логика... Ее отец работал в свое время на «Петровке», да и вообще везде имел много полезных знакомых. Наши опасения доходили до того, что мы реально считали, что он нас вычислит, где бы мы ни находились: по ж/д билетам, редкой моей фамилии или еще черт знает каким образом... Я все больше и больше заражался этим безумием, в результате всего этого я уже чувствовал себя так, будто нас разыскивает все государство, будто Ее отец может задействовать любые спецслужбы, да что там — весь мир в поисках нас! В такую чушь слабо верится, но готов вам поклясться, что я этой паранойе поддался практически полностью. Какая-то часть меня вопила о здравом смысле, но другая — прочно связывала с Ней и Ее настроениями. И все же думаю, что согласился я на эту безумную авантюру лишь по той причине, чтоб вернуть Ей спокойствие (хотя, по правде говоря, в моей голове часто случались перепады...). Ведь, как выяснилось в результате, главным и истинным Ее доводом было...

— Я просто не смогу спокойно жить... Я понимаю, что глупая, Гриша, но я *не могу* иначе!.. Я не смогу быть спокойной, пока нахожусь в Москве или рядом с ней. А Воркута — это что-то такое далекое... Сейчас только очень далеко от них я смогу расслабиться. Пожалуйста...

Вот, собственно, и все. Иначе никак. Можно было б, но я тоже не мог... Пришлось согласиться.

10

Я ЧЕРТОВСКИ НЕ ЛЮБЛЮ посвящать в свою личную жизнь родителей. Делиться с ними интимными деталями, «говорить по душам» — все это вызывает прямо-таки физическое отторжение. О том, что у меня есть девушка, я известил их неохотно, и то ввиду каких-то обстоятельств. Не знаю, почему так — может, потому что так было установлено изначально. При мне они никогда не позволяли себе даже поцелуев, а в тех редких случаях, когда сквозил намек на что-то подобное, мне становилось не по себе. Такое чувство, будто забегаешь в незапертую кабинку туалета, а там уже кто-то есть. И стыд почему-то испытываешь именно ты. Может, противно и стыдно еще было потому, что Мама в эти моменты смущалась... Так, ладно... не хочу о *подобном* больше... Мне тяжело писать... Все это неважно, и я не хочу знать причины моего отношения к родителям. Родители — это только Родители, не мужчина и жен-

щина, не любовники и даже не просто обычные люди, как остальные. Я их по-своему люблю, но это только *родители*. Меня не интересует их интимное, и я не хочу, чтобы они интересовались моим интимным — вплоть до творчества, как это ни странно. Наверно, это звучит по-детски, но я уже понял, что я не стану когда-либо относиться к ним иначе, не выйду на новый уровень разговоров. Они знают меня таким, каким должны знать, и я словно отдаю какой-то долг непонятно чему — выгляжу для них таким, каким они привыкли меня видеть. А личное — оно... оно обличает что ли. Черт... собирался же закрыть тему...

В общем, к чему я это все. В ту бессонную ночь, когда мы решали, где бы нам укрыться, и Она заглялась идеей о Воркуте, я вынужден был позвонить Маме. Один Бог знает, как мне не хотелось этого делать, особенно в три часа ночи... Но нам необходимо было ее согласие — не являться же вот так вот, без предупреждения, у Мамы большая щитовидка. Пришлось быстро объяснять всю ситуацию, чтобы внушить всю серьезность нашего отчаянного положения, но объяснения, как я и ожидал, затянулись надолго. Я чувствовал себя паршиво и говорил быстро, иногда неразборчиво, а Мама, перепуганная поздним звонком, несколько раз с тревогой спросила, не пьян ли я... Естественно, она, как и другие, переполоха не понимала, то и дело предлагала свои «а что если...». Я устал уже кому-то что-то доказывать и втолковывать, поэтому часто раздражался. Наконец, мне все же удалось ее убедить (ну, по крайней мере, частично...). Чтобы вы не поняли неправильно, хочу сказать, что она-то, в принципе, была не против даже если б мы просто приехали в гости, спор был из-за другого. Во-первых, как и любую мать, ее... эм... смущал тот факт, что «ребенок» решает вопрос бегством от родителей. «Почему она просто не поговорит с ними? Это же *родители*, неужели не поймут?», «Гриш, ну так же нельзя... А если б ты от нас сбежал? Я б сума сошла», «Если у ее отца такие связи, думаешь, он не вычислит? И мне еще по голове даст...», бла-бла-бла, и проч., и проч... Я сам что ли всего этого не понимал? Мне просто не хотелось, что б Она слетела с катушек на нервах, потому и гнул ту же линию. От этого всего раздражался не меньше, а от того, что необходимо было держать себя в руках и действовать согласно сценарию, раздражался еще больше...

Во-вторых, Маме было известно, что у Нее сейчас срок реабилитации, и она беспокоилась, как скажутся на больной ноге все эти переезды. Об этом беспокоилась не она одна, надо сказать.

Но как бы там ни было, вопрос все же был решен.

До приезда родителей оставалось два дня. Чемоданы уже были собраны и ждали нас этажом выше. И тут Она избрала другую тактику: вместо того, чтобы продолжать стоять на своем, Она заставила себя пойти на обманное примирение. Разговаривала с ними по-доброму, без агрессии, как ни в чем не бывало. Зная их паранойю, Она пыталась усыпить их бдительность, чтобы наш побег состоялся уж наверняка. Делать это было необязательно, я даже наоборот был категорически против: стой, мол, на своем, это дело принципа. Но дело в том, что Ее тоже поглотила паранойя (вернее сказать, крепко так трясла уже около недели) ...которая в скором времени перекинулась и на меня, чего уж скрывать... Так или иначе, уловка удалась: трюк был дешевым, но от Нее такого попросту никто не ожидал, не тот стиль. Судя по всему, родители поуспокоились, решив, что мы сдались. Даже по телефону Ее мама (а разговоры, равно как и все ссоры, у Нее проходили именно с матерью — отец был наделен властью чисто исполнительной) разговаривала тоже вроде как дружелюбно. Но отрывисто как-то, напряженно, словно старалась не сорваться, чтобы «не спугнуть». Будто дожидалась Ее приезда, и тогда... По крайней мере, так Ей казалось. Как я уже говорил, дорожный чемодан и старая клетчатая сумка (просто идиотская сумка из девяностых — сейчас с такой ходить даже палевно) с продуктами уже были собраны и ждали нас этажом выше, в комнате Ее Подруги. Оказались они там согласно нашей стратегии Побега. О да, у нас ведь была отдельная стратегия того, как наши пожитки попадут на вокзал в день отъезда. На случай, если Ее отец зачем-то заглянет в гости раньше срока, мы решили их упрятать. Но это еще не все. Уезжать мы собирались утром в субботу, то есть как раз в день приезда родителей (причем билеты еще куплены не были...). Чтобы подстраховаться, мы полночи обзванивали всевозможных знакомых, которые могли бы предоставить квартиру на пару дней, если уехать сразу не получится. На гостиницу денег не было. Их вообще практически не осталось, по правде говоря. Сначала все было плохо — только пару человек пообещали поискать варианты, и то без гарантий, а это сильно давило на нервы. Наконец, Она попытала счастье у бывшего однокурсника (скорее *знакомого*, чем друга), с которым вообще практически не общалась и давно не виделась. По мне, так при таком раскладе шансы были нулевые. Хоть Она и уверяла, что этот-то — точно человек надежный и

всегда выручит, но с какого перепугу кому-то, кто тебе даже не друг, доверять свою квартиру? Но Она оказалась права... До сих пор в голове не укладывается. Но вернемся к чемоданам. В общем, каков был план. В пятницу мы, скорее всего, ночуем в предоставленной квартире (если быть точным — в предоставленной *комнате* Ее Знакомого, другие комнаты оставались под властью его семьи), чтобы в субботу случайно не столкнуться с родителями. Наши сумки Ее Подруга отвозит утром к метро. Там сумки принимает мой Сосед (нам неудобно было просить девушку тащить все это до самого вокзала) и везет их на Ярославский вокзал, где мы его уже будем ждать. Там Сосед помогает загрузиться в вагон, обещает хранить молчание, если Ее отец ворвется выпытывать информацию, и мы благополучно уезжаем. Почему бы Соседу сразу не везти сумки из общаги?.. Хороший вопрос. Дело в том, что Ее отец довольно тесно общался с охранниками нашего общежития, а еще он знал в лицо Соседа, и знал, что тот — мой сосед... В общем, Она боялась излишней бдительности отца, который мог заранее предупредить охранников следить за нами повнимательней. А мой Сосед, выходящий с моим чемоданом (с которым я несколько раз мелькал ранее), мог бы вызвать подозрения... Да уж, как-то тупо — только теперь понимаю... Вот, собственно, и вся стратегия. И ни капли смеха — все на полном серьезе. До сих пор помню реакцию Соседа, когда я посвятил его в наш план...

— Ну что, ты сможешь?.. Очень надо...

Сосед уже минуту стоял с выпученными глазами и поджатыми губами, словно его рот не знал, что делать: смеяться или открываться от удивления.

— Ну не будь задницей, я сто раз твои вещи с вокзала таскал!.. Слушай, серьезно, нам нужна твоя помощь...

— Это просто охренеть. Вы это серьезно, ребяташки?..

Мы раздраженно кивнули. Интересно, Она тоже чувствовала себя в тот момент идиоткой?..

Сосед неопределенно покачал головой — скорее всего пытаюсь переварить весь этот бред. Но я знал, что он согласился.

— Да уж, ну и детективчик... Гриня, напиши об этом. Если ты не напишешь, я это сделаю... И не забудь упомянуть, как я вам помог!

Следующий шаг — купить билеты. Очень кстати было то, что Мама выслала нам блиц-перевод — у нас оставалось всего пару сотен. В четверг я уже стоял в очереди к кассе. Брали плацкарт. Естественно, на субботу свободных мест уже не оказалось вообще, не то что нижних

(а ведь нам необходима была хоть одна нижняя полка — Она не в состоянии была забираться наверх). На воскресный поезд оставалась парочка верхних боковых... Дальше откладывать было нельзя, и пришлось их взять в надежде на то, что кто-нибудь войдет в положение и согласится обменяться. Пока стоял у кассы, судорожно раздумывал, как же быть, советовался с кассиром, звонил несколько раз Ей и отмахивался от раздраженной очереди. Конечно же, эти проклятые билеты, взятые на воскресенье, очень затруднили наш план побега и добавили еще паники. Мы срочно должны были найти решение. Родители-то будут в субботу!.. Кровь из носа, нужно было отсрочить их приезд. Не знаю, что делала Она после этой новости, но я, пока возвращался к ней с билетами, успел прокрутить в голове около сотни вариантов того, как дерусь с Ее отцом... В одних сценках я хватал стул или чайник и оказывался победителем, в других — лежал с переломанными ребрами или фонтанирующей головой... Это нечто, сколько всего я тогда нафантазировал — хоть сейчас на пленку. Причем мой мозг страдал подобной ахинеей на протяжении всего лета — до того самого дня (о нем я уже упоминал, кажется), как Ее отец вполне дружелюбно меня поприветствовал.

Выход все же нашелся. Не помню, какое там «срочное дело» Она придумала, но все же уговорила родителей приехать в воскресенье. Конечно же, мы не особо доверились их согласию, но дышать вроде стало полегче...

11

ИТАК, У НАС ОСТАВАЛОСЬ в запасе два дня. Как-то очень странно неслось это время. С одной стороны, все вертелось на бешеных скоростях, поглощенное преддорожной суетой (никто из нас спокойно сидеть не мог), с другой — от этого проклятого ожидания и постоянного ощущения, будто тебя тянут щипцами за нервы, дни казались слишком долгими. Мы постоянно что-то трогали, перепроверяли, бесцельно ходили из моей в Ее комнату. Я часто присаживался на кровать и покачивался, или же выбивал такт подошвами, отчего Она постоянно раздражалась и требовала прекратить. Она же молча о чем-то соображала, часто обнимала себя руками, словно от холода, и так же часто вспоминала какую-нибудь незавершенную мелочь и вскакивала (насколько это было возможно в Ее положении) с кровати, призывая меня помочь. Я нередко садился рядом с Ней, казавшейся такой одинокой и продрогшей, чтобы

приобнять, прислонить к себе или же тихонько потереть ладонями плечи, будто пытаюсь согреть. Я не был уверен, для чего я все это делаю — чтобы утешить, или же просто занять руки... Вообще, как бы нас ни сблизила тогда эта напасть, мы словно и отделились друг от друга настолько же, насколько сблизились. Не знаю, как это объяснить... Вроде как каждый был на своей волне, пусть и общего моря. Конечно же, я имею в виду именно те... эм... «панические моменты», а не вообще. Потом эта странная отстраненность ушла. Но я снова прервал свою мысль... Словом, эти два дня мы только и делали, что без особой нужды дергались, дергались и дергались — регулярно вздрагивали даже во сне — словно эпилептики. Вроде и неслось все быстро, в постоянной суете, но эти 48 часов суеты были словно растянуты в два, три, а то и в четыре раза. Я не помню толком, чем мы тогда занимались. Помню только, как Она решила перенести всю свою одежду (кроме купленной родителями) и книги ко мне в комнату, опасаясь, что, обманутые, они увезут все самое ценное Ее сердцу к себе. И я стопками, охапками и пакетами носил это добро из одного крыла общежития в другое. Потом Она вдруг передумала. По Ее словам, родители могли с тем же успехом забрать эти вещи и из моей комнаты... Наименее ценное мы решили оставить у меня, перемешав с моими вещами, а вот остальное отнести к Подруге. И я принялся перетаскивать все по новой — уже с одного этажа на другой. Представляю, что думали охранники, когда я целых три часа мелькал перед камерами с какими-то пожитками... Успокаивало то, что на пятом этаже тогда камер не было, и разоблачить комнату (если охранники все же были заодно с Ее отцом) они не смогли бы.

Потом мы решили отвлечься интернетом. Ей захотелось просмотреть какие-нибудь сведения о Воркуте. О, я нарассказывал тогда много всяких историй... Показывал фотки убогих воркутинских пейзажей, находил какие-то описательные статьи, рассказывал о тундре и погоде. Например, что лето там очень переменчивое: с утра ходишь в легком свитере, а под вечер приходится надевать куртку, а иногда и шапку. Рассказал, как в конце июня в тени домов еще можно увидеть снег, и упомянул о том, что комаров там в это время — прорва, и о том, что размерами они крупнее обычных. Наконец, вспомнил случай, как какого-то охотника в тундре задрала росомаха... Конечно, зря я все это делал, но уж не мог удержаться... После такого обозрения Она переживала настоящий шок, особенно от байки о росомaxe. Я понял, что малость переста-

лся, и попытался приободрить Ее, убедить, что это случай единичный и росомахи по поселкам не шастают, но это мало помогло... Она быстро вбила в «Википедии» «росомаха» и стала с ужасом читать об этом звере, то и дело восклицая, ахая и прикрывая в испуге ладошкой рот.

«Внешне росомаха напоминает скорее медведя или барсука... когти большие, крючковатые. Зубы мощные, имеют острые грани... Гриша, она такая противная!.. Посмотри, какие когти!.. сильный, осторожный и в то же время дерзкий зверь, ведущий одиночный образ жизни... логово росомаха устраивает под вывороченными корнями, в расщелинах скал и других укромных местах; кормиться выходит в сумерки... постоянно кочует в поисках добычи... легко лазает по деревьям...»

Росомаха всеядна. Основу ее питания составляет падаль...даже человеческие трупы, офицет!!.. Может отбить добычу у других хищников (волков, рыси)... Она сильнее рыси???... Росомаха полезна как санитар, уничтожающий трупы животных... Ага, и людей тоже!.. она караулит добычу в засаде, притаившись у тропинки, перелазя, овражка, или залезает на небольшие деревья и неожиданно бросается на приблизившееся животное. Вскакывая им на спину, росомаха способна нанести смертельные раны... Росомаха — одно из немногих животных, остающихся неприрученными даже после нескольких поколений жизни в неволе, и проявляющих КРАЙНЮЮ АГРЕССИЮ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛЮДЯМ!!!»

Чем дальше Она читала, тем испуганней становилось Ее лицо. Какой-то такой откровенный, совершенно детский испуг. Не дочитав до конца, Она поспешила закрыть страницу. Сложив ручки на коленках, Она жалобно и задумчиво так посмотрела на меня, что я не выдержал и засмеялся. И удивился краешком сознания — мне показалось, что этот смех отдавал истерикой...

— Солнышко мое, — я сильно прижал Ее к себе, со всей только нежностью, с которой мог, и как раз в этот момент та самая отстраненность будто пустила трещину, — нет там никаких росомах, не бойся... Все будет хорошо, там спокойнее. Вот увидишь...

Насчет последнего я соврал. Что-то типа лжи во спасение... Я не считал, что там будет спокойнее — мое отношение к этому городу уже обсуждалось. Но... но вдруг Она там действительно нашла бы свое спокойствие?.. Только на это я и надеялся.

Она же, пока я обо всем этом думал, продолжала смотреть в одну точку, пока тихо не произнесла:

— Гришенька... Куда мы едем?..

В СУББОТУ УТРОМ мог заглянуть в гости Ее отец. Вещи там кое-какие заранее забрать, или же попросту проверить под каким-нибудь предлогом — да и мало ли зачем еще?.. Разумеется, это были Ее опасения. Хотя... к тому моменту и мои тоже, честно говоря... Поэтому мы решили встать пораньше и отправиться на прогулку часика на два. Если помните, Ее комната была практически полупустая — большинство вещей было перенесено. Мы подумали, что это могло бы его малость озадачить... Поэтому между 9 и 10 утра нам лучше было бы держаться от общаги подальше...

— В общем, смотри. Если папа приедет, то не позже десяти. Он сегодня со смены, может заглянуть...

— Значит, в Макдональдс?..

— Ну да, можно... Там сразу и позавтракаем.

Я нервно кивнул. Мы были настолько сосредоточены и серьезны, словно собирались выносить банк...

— Посидим там до одиннадцати... на всякий случай.

— Ммм... До пол-одиннадцатого.

Она, на секунду задумавшись, кивнула и продолжила:

— Если он приедет, нам позвонят, — Она имела в виду свою соседку по комнате, — тогда мы... сразу же едем на квартиру...

— Да... — тихо выдохнул я, пытаюсь унять мандраж.

Встали в восемь, невыспавшиеся и помятые. Больше, конечно, это касалось меня — Ей будто бы и не требовалось больше сна. А легли-то в три!.. Я всю жизнь страдаю со сном — то есть не с его отсутствием, сплю-то я отлично... наоборот, люблю поспать подольше. И просыпаюсь с трудом, злой и туго соображающий... Это я к тому, чтобы вы представили меня в то утро: собираться нужно было быстро и не мешкая, а я жутко тормозил и делал не то, что требуется. Она на меня за это кричала, и я, подгоняемый, носился из угла в угол, из комнаты — в умывальную. Она, кстати, тоже суетилась. Наверное, мы тогда были похожи на цыплят, согнанных ночью с насестов, — очень уж забавно все это выглядело. настолько забавно, что мы, уверен, и сами в тот момент про себя посмеивались, несмотря на ту смесь волнения и странного искристого возбуждения...

Полчаса спустя мы уже шли к Макдональдсу, в сторону, противоположную той, откуда мог идти Ее отец. Несмотря на легкое гудение в голове, настроение было приподнятое. С нами

творилось нечто совсем уж абсурдное: шли как можно быстрее, постоянно оборачивались, и нам несколько раз казалось, что Ее отец идет за нами. Вон вроде как его куртка, да и походка похожая... Ой, а это не его голос звучал неподалеку?.. И все в том же духе. Но штука была в том, что мы настолько уже устали (или привыкли?) от всего этого напряжения, этого дьявольского ожидания поездки, что стали посмеиваться над собственным сумасшествием. Причем это не означало, что мы перестали в него верить...

В тот день я впервые попробовал их деревянный Макзавтрак. Мало того, что меня от него подташнивало — в ожидании звонка ничего не лезло в глотку. Она сидела, ничего практически не тронув, и вертела телефон в руках. Я прикрыл глаза и прислонился к стенке. Пять минут одиннадцатого. Мне не требовалось открывать глаз, чтобы улавливать в воздухе Ее напряжение. Я прекрасно знал, что Она в тот момент боролась с желанием позвонить самой. Изредка мы переговаривались, натужно шутили... Наконец, раздался звук пришедшей СМС. О, я навсегда полюбил эту мелодию!.. Я быстро стряхнул весь сон и перегнулся через стол.

— Ну????

— Ффухх... Не приезжал.

Я весело улыбнулся и принялся доедать «завтрак».

— Ммм!.. Какие вкусные здесь тосты!

Она не менее весело рассмеялась. Да, это было настоящим облегчением...

13

ТЕПЕРЬ ДАЖЕ немного жаль, что в итоге наш гениальный план побега не воплотился в жизнь. Было бы, что вспомнить... Разумеется, тогда мы так не считали. Во-первых, нам очень не хотелось проводить эту ночь на чужой квартире, да еще и с родней Ее Знакомого. Чувствовали б мы там себя... сказать «неловко» — ничего не сказать. К тому же эта квартира находилась черт знает где — где-то аж на юго-востоке, тогда как общага — на северо-западе, а вокзал (на который нам переться на следующее утро) — тоже ближе к северу. Учитывая Ее положение, все эти переезды доставили бы массу неудобств. Поэтому мы решили отказаться от этих бредней. Во-вторых, мы не стали просить Ее Подругу таскать сумки к метро. Их отвез Сосед — прямиком к Ярославскому. Он (кто же, если не он...) должен был нам помочь с ними в любом случае — мои руки были заняты. Сосед вышел чуть пораньше и поехал вперед. Двигались мы

все равно в разном темпе, поэтому путаться у нас под ногами со своими... хорошо, с *нашими* сумками ему было вовсе не обязательно.

В это утро я чувствовал себя на удивление со- бранным. Голова так же гудела от недосыпа, но была свежа, и мысли не представляли собой же- ле, как вчера. Собирались молча, в напряжении. Внутри kloкотало предвещание перемены. Ме- тро, как и всегда в это время, кишело, вызывая опаску и отвращение. Было непривычно ехать с Ней по незнакомому маршруту — это вызывало во мне еще большую тревогу, словно там, в неиз- веданных краях, таилось больше опасности, и я сжимал Ее ладонь крепче. Когда подходили к эс- калатору, я напоминал Ей, что наступать надо с правой, и считал до трех. Эта заминка нарушала ход суматошной толпы у нас за спиной, и люди цокали, толкались, пытались протиснуться сбо- ку... Я их всех ненавидел, хмурился и напрягался до боли в голове, скрипел зубами. И все же, устающий от постоянного напряжения, иногда был невнимателен. Как и в этот раз, когда ка- кой-то бугай у турникетов пролетел мимо, выбив у Нее палку. И даже не обернулся на Ее восклик и гневный взгляд в спину. Кричи — не кричи — бесполезно. Ублюдок... Тут только догонять и с ноги в спину, а потом схватить его здоровую башку и раскрошить о чертов заикающийся тур- никет!.. В моей голове сотни раз вскипали подоб- ные мысли, но это были только мысли — и то за- поздавшие. Очень часто я не успевал даже ниче- го сказать, а несколько секунд спустя было уже поздно. В таких случаях Она сразу же отдергива- ла от меня руку и стискивала зубы. Пусть задева- ли Ее *другие*, я знал, что сам не без вины. И эти зубы будто стискивались на моем сердце... На подходе снова эскалатор, и я вымолил у Нее руку (самой на него становиться было неудобно и опасно). Подобные ситуации меня встряхивали, заставляли собраться, стать внимательней и су- ровее... На сходе она, нахмурившись, резко огля- нулась — кто-то снова задел ногу.

— Извините...

— Ты ЧЕ?!

Парень остановился, то ли в растерянности, то ли с вызовом хмурясь:

— Че?..

— Куда ты, блядь, прешь?! — Я был в ярости и кинулся на него, словно в отместку всем пре- дыдущим. А еще я боялся, боялся Ее реакции, если снова окажусь недостаточно суров, агрес- сивен... даже не знаю, как правильнее выразить- ся... в общем, не хочу этого объяснять.

— Ну я же сказал: извините.

— Ты не видишь, что она с палочкой???

— Ну ИЗВИНИТЕ!..

Я отвел глаза и потянул Ее за собой.

— Урод.

Я хмурился, мы шли молча. И вдруг Она за- смеялась. Я удивленно (хоть Ее смех и разря- дил это напряжение) приостановился:

— Что?..

— Ты так заорал на него, бедный парень, — Она продолжала заливаться смехом, — Он ведь только слегка задел, и тут же извинился... Ой, Гриша...

Я тоже неуверенно улыбнулся. Я видел, что теперь Она смотрела на меня как-то по-друго- му — не потому, что Ей стало весело, а потому, наверно, что я впервые повел себя не как обыч- но — в хорошем смысле. Трудно об этом гово- рить, но, наверно, в ту минуту Она почувство- вала себя под защитой, *моей* защитой. Вы не представляете, как мне самому была приятна эта минута...

Наконец вокзал. Сосед нас уже ждал — с яв- ным нетерпением. На первом этаже зала ожида- ния (чтобы подстраховаться, мы приехали чуть пораньше необходимого) все места были забиты. Кое-кто занимал все четыре кресла, решив при- лечь. Естественно, нам никто не уступил. Про барьер с местами для инвалидов мы не знали. Вернее, я знал, но решил, что Ей будет против- но — туда набились одни калеченные бродяги, да и потом: эта вывеска «места для инвалидов»... как клеймо какое-то. Не хотел, чтоб Ее это оскор- било. Но потом, когда я Ей об этом рассказал, Она возмущенно заявила, что воспользовалась бы таким местом, потому что «имеет на него пра- во»... В общем, Ее не понять — то стыдится сво- его положения, то им пользуется... В общем, то- гда нам пришлось тащиться на второй этаж, где мы наконец присели.

Вскоре подали поезд. Сосед поспешил занес- ти сумки и, сказав что-то напутствующее, убе- жал. Ах да, еще он, шутя, напомнил мне напи- сать обо всем этом. Честно говоря, я уже сам то- гда подумывал... Вы знаете, писатель иногда кажется несколько бесчеловечным. Происходит что-то страшное рядом, а он, волей-неволей, на- чинает относиться к этому, как к ресурсу для творчества, вместо того, чтоб целиком отдаться скорби. Хорошо, что в данном случае скорбеть не о чем...

14

В ДЕТСТВЕ Я ЛЮБИЛ поезда. Дорога с Сева- ра России в Молдавию была долгой, с пересад- кой в Москве, и мне это жуть как нравилось. Когда родилась Сестра, мне нередко удавалось

отвоевать верхнюю полку, несмотря на недовольство Матери (она всегда слишком пеклась обо мне). Еще в поезде я мог всласть насладиться всякими бич-пакетами — я питал поразительную тягу к тому, что мне обычно есть запрещали. Ну и, конечно же, игрушки. Чем ближе к Молдове, тем чаще в вагонах торговали всяким барахлом, и за весь путь я обязательно что-нибудь выклянчивал — даже тогда, когда с деньгами стало туго, дело не обходилось без какой-нибудь безделушки. Поезд прибывал в Кишинев, и уже только тогда тряслись три часа в автобусе — до Комрата (иногда нас забирал мамин брат на машине). За все эти маленькие радости я и любил поезда, а не слишком быстрые и неинтересные самолеты (мы летали пару раз — еще в середине девяностых), в которых закладывало уши. Сейчас же я мечтал о такой возможности — какой-то там час, и мы были бы на месте, подумать только!.. Вот только... сколько сейчас стоит самолетом?.. Этим летом я возненавидел поезда.

Первые час-полтора после отправления всегда чувствуешь себя не в своей тарелке. Теперь же эти неудобства множились на десять. Люди толкались со своими здоровенными сумками, устранили неразбериху с местами, укладывали вещи; затем проверка билетов, ожидание белья, переодевания, расстилание постелей... Обычно весь этот процесс не вызывал у меня ничего, кроме легкого зуда. Сейчас же я боялся в этом тесном пространстве больше, чем в метро. Меня окатывало жгучее нетерпение, паника за Ее ножку, когда кто-то протискивался мимо с чемоданом, и... нет, тогда я не мог полностью предаться гневу. Наверно, потому, что знал, что сейчас у всех этих людей мне придется *просить*, и от этого жутко трясло. Нужно было договориться с местами — прямо сейчас, пока никто как следует не разложился. Она сидела тихо, с тревогой, если не с ужасом, озираясь вокруг. Я видел ребенка, в первый раз повидавшего, что такое российский плацкорт, и мое сердце сжималось еще сильнее. Да, Она ведь путешествовала поездом в первый раз и обо всех «радостях» подобных поездок еще не догадывалась. Чертовски забавно, что это случилось именно при таких обстоятельствах...

Я посадил Ее напротив нашей боковушки, к двум милым на вид женщинам с ребенком. Меня самого корежит, как звучит это «милым на вид женщинам», но эти, по крайней мере, не орала на весь вагон, не ссорились с проводницей и не прованивали плацкорт пивом и рыбой...

— Ну... пойду договариваться, — я поцеловал Ее в лоб и попытался улыбнуться.

Она ничего не ответила, только тревожно посмотрела на меня и кивнула. Одна из женщин ободряюще улыбнулась Ей и о чем-то заговорила. Я же собрался с духом и пошел по местам.

Ненавижу просить об услуге, особенно крупной (а данная просьба именно так и воспринималась). Особенно раньше, когда приходилось это делать, голос переставал быть твердым, лицо становилось каким-то детским и виноватым, будто я просил подаяния. Сразу же чувствовал себя ниже, ущербнее, обязанным чему-то или кому-то. А еще боялся и стыдился отказа. Я не понимал, как можно просить, сохраняя гордость, и ненавидел себя за это. Вот и тогда я ощущал примерно то же. Только вот на этот раз отказы были недопустимы — я обязан был во что бы то ни стало найти Ей нижнюю койку. И мысленно готовил банкноты или, в крайнем случае, кулаки. Готовил себя к любым унижениям — как угодно, но у Нее должна быть эта проклятая нижняя полка, пусть даже самому придется всю дорогу стоять...

А тем временем мне все отказывали и отказывали... Каждый раз я повторял одну и ту же словесную формулу: девушка после операции, не может на верхней, и в том же духе. А эти отъеденные, безучастные лица выплевывали одни и те же отговорки, пусть кто-то вроде как и загорался участием, давал советы... Один раз оправдание звучало так: «Ну, у нас тут молодых нету...»; другой раз: «Не, не могу, я с женой»; третий... ай, да что там перечислять!.. Я отчаялся, разозлился, стал просить настойчивее. Одно и то же, одно и то же... Может, мы попали в вагон для инвалидов?

Не помню. Помню только, как безуспешно обегал весь вагон, а поменяться с человеком из другого было еще тяжелее, и у меня темнело в глазах. Не знаю, что я уже думал предпринять, когда меня окликнула Она.

С нами согласилась обменяться одна из тех самых женщин — жилистая, но тем не менее старушка. Вторая женщина осталась внизу с ребенком. Ох... С головы, плеч, души, сердца — да со всего подряд! — словно свалился железный ком. Честное слово, я уже готов был заплакать...

15

НАШИ СПАСИТЕЛИ оказались *бабушкой, мамой и дочкой*. Девочке было около трех. Крикливая такая, наглая мелюзга. Это я ласково, вы не подумайте. Даже Она, обычно крайне негативная к избалованным детям, была с ребенком терпелива и снисходительна. Наверно, потому,

что чувствовала долг перед ними. А может, еще и потому, что девчушка не могла не понравиться. Чернявенькая, с большими черными глазами, выражающими простоту и ясно дающими понять, чего ей требуется — в общем, злиться на нее не получается, уже пробовал. Как оказалось (вот совпадение... хотя нет, уже далеко не совпадение...), семья из Молдавии. Тоже в одно время переехали в Воркуту. Хо-хо... Мать и бабка девочки были русскими (внешне — в том числе). Видимо, отец — молдаванин, потому как ребенок на них не походил ну вообще никак — будто приемыш. Хотя у матери присутствовал какой-то молдавский акцент — не столько даже в речи, сколько в повадках. Так что условно я стану их называть Маміса и Ғіісă. Русскую до корней волос бабку также назвать на молдавский манер язык не повернулся. В общем, что я хотел сказать... Ах да: спасибо им хотя бы уже за то, что Ей было на кого отвлечься, с кем поговорить. Я ведь очень переживал, как Она перенесет поездку. То, что поезд постоянно трясло, — только малая часть всех прелестей. Тот, кто научился высыпаться в плацкартах, может смело покупать дом под железнодорожным мостом — он уснет в любой обстановке. Она же всегда очень чутко спала, поэтому заснуть удавалось только поздней ночью, когда в вагоне затихал гам и гасили свет. К тому же, дети (в первую очередь наша Ғіісă, разумеется) нередко закатывали истерики, чем будили по утрам даже меня. Вернемся к тому, что поезд трясло. Из-за этого мне приходилось сопровождать Ее в туалет и придерживать, пока Она это делала... Наверное, именно тогда и рухнула та последняя грань стеснительности между нами — вынуждена была рухнуть. На отвратные грязные унитазы приходилось садиться прямо так (думаю, объяснять, что на корточках Ей сидеть теперь тоже нельзя, уже не надо). Меня передергивало от этого зрелища, но с брезгливостью пора было кончать, если уж мы решили путешествовать в российских плацкартах.

Летом в вагонах не топят, несмотря на то, что в северных районах в это время еще могут ходить в куртках. Это я к тому, что чем дальше мчал наш поезд, тем сильнее тянуло из старых окон. Мне-то ничего — я на верхней, к тому же привык. Я боялся за Нее. Она ведь так чувствительна к холоду... Вообще, я достаточно долго не мог совместить в Ней эту хрупкость и этот нрав. Пусть Она и не неженка, но тем не менее... Спала головой к окну — иначе заснуть не смогла бы (да и я тоже, когда рядом будут шастать всякие алкаши — я и за ножку-то боялся...). Поэтому я натягивал Ей на ночь шапку, подклады-

вал куртку, шарфы, но все это приносило мало пользы. Однако Ее больше всего тревожил не холод. Ее тревожило то, как стремительно менялись час за часом ландшафты, как к концу пути все меньше и меньше мелькало за окном деревьев и поселений. Она не раз со мной этим делилась, съездившись и тревожно смотря в окно. Соседки на эти переживания снисходительно смеялись. Их Она, кстати, только и делала, что спрашивала, как там да что. Бабушка в основном молчала и загадочно улыбалась, главным собеседником (и, я думаю, тем, кто приободрял Ее своим настроем) являлась Маміса. Жили они в Воркуте лет десять, сейчас уже точно не припомню...

— Ой, я до сих пор помню, как выхожу тогда из машины, смотрю на *это* вокруг (а зима еще была) и, думаю, *все*... Куда же я попала?.. — Маміса грубовато рассмеялась. — А потом ниче, привыкла. И вот сейчас вроде как надоедает она постоянно, на юг хочется, но как на год из Воркуты уеду — и не могу, тянет туда ужасно. С кем знакома была, кто переехал оттуда — всех тянет.

— Как такое возможно вообще? Там же тундра везде!

Маміса снова рассмеялась и ответила как-то задумчиво:

— Ну вот так вот. Непонятно, что такое — тянет, и все.

— Ай, — она отмахнулась, — может, радиация какая-нибудь?..

Маміса неопределенно пожала плечами.

Да, вот уж аномалия... Тоже слышал что-то подобное — придется признаться... Слава Богу, меня туда не тянет и никогда не тянуло. Нет, есть, конечно, что-то вроде ностальгии, но ее перевешивают все остальные чувства к этому городу...

Было еще кое-что, что не давало нам покоя. То, из-за чего мы тряслись больше всего — в такт поезду... О, прежде кое-что, что я, кажется, забыл упомянуть. Пока я шатался по вагону в поисках помощи, Она отправляла смс своим родителям. Вообще, мы долго спорили, как именно это сделать — дать им знать... То, что нужно было известить родителей об отъезде, было само собой разумеющимся — мы не хотели, чтоб на Нее подали в розыск, да и вообще это вопрос морали. Только вот я предлагал позвонить им еще с вокзала и снова попытаться решить вопрос миром. Не вышло б — уехали, и уже тогда бы отослали это смс. Очень Ее просил... Но Она, естественно, настояла на своем. Была уверена, что толку нет, да и вообще боялась с ними разговаривать. Не знаю, чего именно Она так боялась — выяснять отношения, пока поезд еще не

тронулся, или же того, что этот звонок может перечеркнуть наш побег. А может, Ей просто уже осточертели все эти разговоры — хотелось просто сесть и ехать — ехать — ехать — куда-нибудь подальше отсюда. Отослав смс, мы отключили телефоны. С местами как раз уже было улажено, и нам только и оставалось, что сидеть — обнявшись, и заставив себя отвлекаться панорамой за окном... Теперь все. Кнопка отправки сообщения была переключателем, точкой, если хотите. Вернее, жирной запятой, четко разделившей «было» и «будет». Может, я преувеличу, но примерно то же чувствует человек, жмуший на курок — он хочет, чтобы пуля как можно скорее пришла в движение, но каким-то участком сознания очень надеется на осечку. Нажав эту кнопку, мы, наверное, уже заранее смирились и с тем, что путь в Москву нам отныне заказан. Снова стало зябко, несмотря на то, что солнце лилось в окна, и мы молча прижимались друг к другу. С одной стороны, облегчение почти пришло («почти» потому, что до Воркуты все-таки еще около двух дней), но с другой... Опять же, я не знаю, о чем в тот момент размышляла Она, но у меня в голове крутился калейдоскоп из картинок: вот Ее родители переживают шок в пустой комнате, вот они обходят соседние, обзванивают Ее знакомых; вот отец привязывает к стульям Соседа и Соседку и обливает их бензином, вот он набирает номера влиятельных друзей... Бррр...

— Я постелю нам?.. — Нужно... нужно чем-то себя занять.

— Да, давай я пересяду... — Она тоже страхивает раздумья и быстро встает.

В следующую секунду мы оба мимоходом косимся на отключенные мобильники — хорошо запомнил этот момент... Кстати, потом мои «картинки» (или все-таки *наши*?..) частично оправдались. Когда через несколько часов мы на секунду включили телефоны (ну невозможно было переносить эти черные экраны...), у нас было около двадцати пропущенных звонков. У каждого. Поезд сразу же стало трясти заметно сильнее... (Потом, уже в Воркуте, мы выяснили, что и у Ее Соседки было около тридцати пропущенных...). Когда включили еще через пару часов, помимо новых звонков, были еще две смс. У Нее — «Спасибо, доченька», а у меня... не думаю, что стоит воспроизводить. Ее страх снова сменился злостью, бессильной такой, воющей злостью непонимания.

— ...Она так ничего и не поняла! Они... бред! Какой же это бред!.. — Она облокотилась на стол и смотрела в пустоту. В широко раскрытых глазах я мог бы увидеть негодование, безнадеж-

ность и, может, чуточку шока. Но я не смотрел Ей в глаза. Я сидел молча и смотрел в сторону — в крови кипела и обжигала вены смс, адресованная *мне*. Я знал, что заслужил, в какой-то мере понимал, что эта реакция была предсказуема, и, опять же, понимал, что сейчас лучше бы успокаивать *Ее*. Но не мог ничего поделать с обидой внутри.

— Теперь выходит, что ко мне «доченька, доченька», а я, неблагодарная блудная дочь, решила насрать им в душу и съездить развлечься... Именно так все и выходит, Гриша, именно так они и думают!.. — Она швырнула телефон на подушку и откинулась назад. Наши соседки все время косились во время этих разговоров, но все же вежливо их игнорировали. Вскоре они узнали почти всю нашу историю, и у нас появились новые «уши», которым Она могла слить накопившийся стресс. Слава Богу, они не стали защищать родителей... да и вообще в это не особо совались. И за это я благодарен им в том числе — им всего-то и требовалось, что слушать...

16

ПОЕЗД МЧАЛ, А ЧАСЫ протекали. На этот раз действительно *протекали* и вязли друг в друге. Я, как обычно, заранее составил план, как буду коротать эти бесконечные часы дороги. Взял несколько книг, и главное — ручку с тетрадь. Думал записывать какие-то зарисовки для будущей повести — все бредовые затеи рассказов о детдомовцах я уже давно отбросил прочь и ухватился за то *настоящее*, что подкинула нам судьба. Но, как обычно в пути и бывает, план остался неосуществленным. Делать было нечего, но легче было просто смотреть в окно или сидеть с Ней в обнимку, чем заставить себя что-то писать. Читал тоже мало и с натяжкой. Днем было душно и не хватало воздуха, и мы выбирались подышать почти на каждой станции. Особенно на крупных. Для Нее эти прогулки были, наверное, единственным счастьем в дороге. В Ярославле даже купили сувенирчик — деревянную дудочку с гербом-медведем. Вот и Она узнала радость «поездных» покупок — когда каждой безделушке радуешься, как дитя — словно увозишь с собой частичку этой станции. Ну а ночью, как я уже говорил, приходилось кутаться... Я целовал Ее в лоб перед сном и забирался на свою койку. Засыпал не сразу, то и дело поглядывал в соседнее купе (эм... не уверен, что в плацкартах это называется именно так, но все же) — на троих уголовников, что играли в карты и квасили с утра до ночи — в такой опас-

ной близости от Ее ножек... Один раз, пока я дремал, к Ней заглянул один из них — самый молодой. Знакомился, ублюдок. Что-то спрашивал про ножку и о том, не нужно ли чем помочь. Она известила его о моем существовании, и тот вроде бы отстал... Я узнал об этом от Нее несколько часов спустя, и был... думаю, нет нужды описывать мое состояние. После того случая я стал еще более насторожен... хотя, «куда уж более?» — казалось мне...

Когда нервы уже были измождены бесконечным ожиданием и нередкими ссорами, я словно стал уязвим для всего на свете — всего, что не тронет физически, здесь я был тверд. *Должен* был быть. Когда за трясущимся окном плыла ночь, я долго не мог уснуть под стук колес, который так убаюкивал меня в детстве. Я был уязвим, и когда весь вагон уже спал, а в грязных и потаенных уголках стучались тени, просыпались вдруг детские страхи, наделявшие эти тени жизнью. И я словно был зажат между *этими* страхами и страхами реальными (взять хотя бы тех мужиков). Черт возьми, да я словно был границей, разрезом между этими страхами! И не надо меня спрашивать, что же все-таки страшнее: реальное или неведомое — это зависит от настроения... Но тогда я бы все-таки предпочел второе — тени, по крайней мере, были чем-то *личным* и не вызывали опаски за *Нее*. Хотя... нет, не решусь ответить. Надо было спрашивать тогда, а сейчас мистика меня мало заботит — мы вот-вот тайком поженимся, и я уже приготовился к написанию новой повести...

Я и так уже затянул с описанием дороги (хотя нам она тогда тоже казалась слишком затянутой), поэтому пора бы доставлять наш поезд к пункту назначения. Можно было бы, конечно, упомянуть еще ряд мелких деталей этой поездки (пока поезд подъезжает к вокзалу). Например, ужас перед каждым спуском и подъемом по этим жутким ступенькам, санитарные зоны и запертые в самый неподходящий момент туалеты, походы за кипятком, воспринимаемые, как акробатический номер, и разговоры в тамбуре с работягами — «простыми парнями» с темным прошлым (на этом маршруте их всегда было очень много — уже успел отвыкнуть...). И так далее и тому подобное... *Ну и вот, наконец, Воркута...*

Очень странное было ощущение — будто все это творится не со мной, а с каким-то моим фантомом из прошлой жизни, воспоминанием, в котором чудной мозг решил поиграть с фантазией — ведь рядом сидела Она, чье присутствие здесь чужеродно и немисливо. Все медленней и медленней проплывали покосившиеся заборчики, первые грязно-желтые здания и другие детали до

боли знакомого (вот именно, что ДО БОЛИ...) вокзала. Замельтешили лица встречающих (каждое — будто бы знакомо), и поезд лязгнул, скрипнул и, наконец, остановился с потусторонним «пишиш!..». Воркута... Если уложить все то СТРАННОЕ, что во мне тогда ворочалось, в одно типичное предложение, выйдет что-то вроде: «Она встретила нас спасительной от духоты и перегара свежестью, холодом и какой-то странной, противоречивой, резко вспыхнувшей ностальгией». Вот так вот. Не удивляйтесь тому, что этот абзац целиком курсивом — как я уже сказал, все происходящее в нем воспринималось, как что-то неестественное.

Поезд остановился, а мы еще остались ждать. На лицах то и дело всплывали нелепые, странные улыбки (я бы даже сказал «придурковатые» — ну, по крайней мере, у меня...) улыбки, а в глазах дрожало волнение. Уже час назад мы полностью собрались. Теперь же ждали, пока из вагона выветрится суматоха — вместе с толкающимися пассажирами. Решили выйти последними, и тем временем прощались с нашими спасительницами-соседками. Но уже через пару минут к нам заглянула небритая, улыбающаяся громадина — мой двоюродный брат...

17

— **ЗДОРОВО, ГРИГОРИЙ!** Привет. — Кивнул он Ей, и, не тратя времени на представления, взглянул на полки: — Ваш багаж?

— Да... Вот, чемодан и сумка. Ты неси пока, мы подождем, как толкучка рассеется...

Брат кивнул, не напрягаясь стащил чемодан и понес к выходу.

— Это... Там колесики есть! Вон, ручка выдвигается, не тащи так...

— А, — Брат отмахнулся, ухмыльнувшись, и совету не последовал.

Я поджал губы и взглянул на Нее. Она какое-то время боролась с улыбкой, а затем решила выпустить ее наружу — во всю ширь. Стеснялась... Еще бы — я тоже не представлял себе, как вести себя с Матерью. Привез к ней девушку... любовь. И в момент, как она встретит нас двоих на вокзале, как в ее речи и повадках появится что-то новое, чего не было раньше, когда я был просто-напросто ее сыном и целиком и полностью принадлежал только ей, — в тот момент словно рухнет та стена, что я так тщательно удерживал все эти годы. Рухнет, и между нами разявится пропасть — мы перейдем на новый уровень отношений, и от этого раз и навсегда станем отчужденной друг от друга.

— Я люблю тебя... Не бойся, — я обнял Ее.

— Я сейчас, наверно, сквозь землю провалюсь... Гриша! — Она прижималась ко мне крепко-крепко.

Я слегка отстранился и попытался ободряюще улыбнуться:

— Не бойся, солнышко... Там, наверное, вместе с Мамой твой отец нас встречать будет.

Сквозь Ее волнение проскочил-таки смешок:

— Угу.

— Ну что, пойдём?..

— Ай, Гриша...

— Привет! Вон там машина, пойдёмте скорей, мерзнете! — А вот и моя Мать... Она выскочила навстречу в старой красной *вроде-как-из-кожи* куртке, придерживая кашюшон (бил холодный ветер), очень неожиданно, откуда-то из стороны, и замахала нам рукой на ряд припаркованных машин. Она не стала подолгу задерживать на нас взгляд, да и вообще, как мне показалось, испытывала неловкость, которую старалась прикрыть суетой. Воркутинское лето сыграло в этом на пользу — «Пойдёмте, мол, с холода, не время для долгих приветствий». Ну а мы-то что?.. Я чуть сильнее сжал Ее ладонь, и мы молча отправились следом — все трое со смесью стеснения, смущения и неловкости на лице. Мама срезала по склону, а мы быстрым шагом пошли дальше, к ступеням.

— Гриш, а вы куда? Вот машина, — опомнилась она.

— Мам, мы по ступеням... Она там не сможет...

— А-а, по ступеням, ну давайте, конечно...

Я быстро взглянул на Нее, когда мы продолжили путь, и улыбка все-таки вырвалась наружу. По Ее лицу было понятно, что первое впечатление о моей Матери было очень позитивным — Она так улыбалась, когда Ее кто-то забавлял... не по-клоунски, конечно же, по-доброму... Ох, и это был хороший признак. Я ведь очень боялся, что они не сойдутся характерами, более того — я *чувствовал* это. И, надо сказать, в тот момент я не очень-то и обнадежился — впереди много времени...

Наконец, мы подошли к сиреневой «девятке», у дверей которой ожидала Мама, о чем-то шутя с водителем и Братом. Как оказалось, Брат работал здесь же, на вокзале (хотя, об этом можно было бы догадаться сразу — по оранжевому жилету...), и времени у него не было, поэтому он кинул сумки в багажник и распрощался с нами. Мы загрузились и поехали.

Так вышло, что мы оказались с Матерью на заднем сиденье — чтобы вытянуть больную ногу, Ей всегда приходилось садиться на переднее,

отрегулировав его должным образом. От этого волнение подскочило.

— Узнал? — Мама с лукаво-теплой усмешкой кивнула куда-то назад. — Целый дядя стал, вылитый папаня.

Ха, она имела в виду Брата. Вообще-то мне не совсем нравится выражение «лукаво-теплая усмешка» — оно здесь не совсем катит, но никак не могу подобрать описание этой ее мимики... Когда Мама как-то так шутила, то будто бы стеснялась улыбки, собирая губы — вроде как слегка ехидно получалось (и одновременно чопорно), но в то же время отдавало теплотой... А вот когда смущение чувствовала *Она*, улыбалась, наоборот, широко и открыто (в первую нашу встречу мне в голову стукнула аналогия с диснеевскими мультяшками...). Понимаю, что развожу тут бред, но вы *чувствуете* разницу?.. Вот об этом я и говорил — не представлял, как они сойдутся...

Я ухмыльнулся:

— Он теперь железнодорожник?

— Ну да, неплохо устроился. Пристроил тут одного бомжа, так тот за бутылку за него вагоны частенько грузит, — Мама засмеялась, и с ней вместе Она (еще один глоток свежего воздуха для моих легких...). Я улыбнулся.

Мы жили в поселке под названием Воргашор — час езды примерно. Первую половину дороги занял традиционный разговор «как доехали? — что нового? — что из старого?» и все остальное в том же духе. О главной причине нашего визита речь, естественно, еще не зашла и ожидалась не скоро. В целом, разговор вроде рассасывал общее смущение и протекал в правильном русле, так что мои переживания постепенно рассеивались. Но тут же переключались на другое... Дорога была ужасной — нам навстречу будто намеренно слетались все кочки и ямы страны. Раньше я не уделял этому особого внимания, но теперь рядом сидела *Она* со слишком чувствительной ногой. Каждый раз, как наша «девятка» подскакивала, меня будто тоже передергивало от боли — я не видел Ее лица, но замечал, как Она то и дело касалась левого бедра. Конечно же, Мать заранее предупредила обо всем водителя, да и потом каждые пять минут просила его *поосторожней*, то и дело охая и взволнованно прикрикивая на него. Но при всех его стараниях эта дорога была воркутинской дорогой (прежде всего российской, конечно же...), а эта машина была бескомпромиссной брутальной «девяткой». Для терпимой езды нужно было ехать хотя бы километров под 35—40 в час, а наш водила, судя по всему, ползти не привык. Он часто забывался, разогнался снова, а когда

раздавался тревожный голос Матери, отшучивался. Этот странноватый дядька вообще оказался тем еще *шутником*... Он оказался Маминым бывшим сотрудником, и вели они себя как старые знакомые. Много говорил и не особо пекся о том, *что* говорил. Первых пяти минут знакомства с этим безумным водилой хватило, чтобы понять, какой он раздолбай — и в жизни, и, что более важно, *на дороге*. В общем-то, мне такие по душе, да и Она не раз смеялась за всю дорогу (я чувствовал себя идиотски, но их компания вкупе с Матерью — зрелище действительно забавное...). Меня даже вполне устраивал его едкий, черный юмор. Вот только меня сильно напрягали две вещи: когда эти шутки касались Ее и его водительский пофигизм, когда Она в машине... Пару раз я не на шутку разозлился. Но ничего сказать я не осмеливался, к тому же вместо меня делала замечания Мать. Наверное, это еще и унижало... Но этому *парню* было под сорок пять, он был старым знакомым Матери, вез нас, судя по всему, бесплатно, да и вообще мы чувствовали себя гостями... и много других «еще», которые застревали у меня в горле, поэтому я просто спрашивал, *как* Она. Один раз «девятка» подпрыгнула так, что мы с Ней ткнулись в крышу головами...

— ...Господи! Ну веди ты осторожней, а?.. Угровишь мне детей! Головой аж ударились!..

Водила стрельнул на Нее глазами (тогда я был слишком зол, чтобы заметить, что на секунду его взгляд сделался серьезным и, может даже, тревожным...), а затем снова уставился на дорогу, вовремя объехав следующую яму:

— Эт ничего, крыша выдержит! Знаешь, как на Американских горках? — Он снова с ухмылкой взглянул на Нее. — Так вот, Воркутинские в сто раз круче! Оп, черт, еще одну пропустил... Тут сейчас будет крюк в гору — зимой здесь машины только так летают! В прошлом году два автобуса — всмятку. Человек двадцать на месте скончалось, одного вообще сразу в двух автобусах собирали. Дело житейское. О, вон, видишь?.. Ща, разгонюсь...

— Тебе делать нечего, хватит пугать! Не слушай его, он у нас такой...

Она молчала, лица я тоже не видел. Я вздохнул.

— Ты меня не слушай, — подтвердил он, — язык мой — враг мой. Всю жизнь из-за него по голове получал. — Постучал по лбу. — У меня пластина в черепе... дурная она. Опа.. А тут натяни-ка лучше ремень...

— Я просто подержу, можно?

— Хе, ну не застегивай. Не заставлю ж я, правильно? Ремень — символ контроля и дисциплины,

возобладания мужчины над женщиной и ребенком. Вот муж прикажет — застегнешь, а я-то что — я так...

— Ей ноге больно, ремень будет жать, — не выдержал я.

— Шучу, опять шучу. Конечно, можно, просто придерживай для виду.

Между тем, за окном проносились убогие пейзажи — как из прошлой жизни. И чем ближе к дому (я надеялся, что все же *бывшему* дому), тем страннее становилось внутри, тем грустнее и, что более беспокоило, *притягательнее* делалась эта старая панорама. Прибыв сюда, я был начисто выпотрошен сборами и дорогой — неизменно работала лишь струна Тревоги. И вот теперь, пока спустя год этот город снова меня поглощал, а я поглощал его, словно производя восстановление некогда стертых данных; пустой сосуд внутри пришелся как нельзя кстати — ему было, чем заполниться. Как я уже говорил, противоречивое чувство... С одной стороны ненависть и отвращение, с другой — какая-то нездоровая тяга, сколько бы я ее не пытался отрицать. И все же я вернулся сюда *другим*. Пока наш Перевозчик между шутками вставлял для Нее сведения о тех или иных «достопримечательностях», которые мы проезжали (представляю, *как* Она на все это смотрела...), я думал о своем. Проезжая памятник погибшим шахтерам, я вспоминал, как писал в шестом классе для конкурса «Оду Шахтерскому Трудю». Вспоминал, как лежал в дрянной палате с парочкой калеченных шахтеров — *молодыми стариками*. Или как однажды давал показания в милиции, а воров так и не поймали — зато за те пару часов, что проторчал там, привезли не одного пьяного шахтера. Но вместе с тем при этом упоминании о взрыве в шахте всплыли и другие воспоминания — как мы с Ней однажды в метро застучали нечто подозрительное, и как я держал себя в руках, увозя Ее наружу, хотя тогда меня захлестывала паника за нас обоих... Один за другим мы проезжали полуразрушенные, заброшенные поселки, в которых теперь бродили одни лишь призраки или, хуже того, — оставалось лишь один-два жилых дома. И я вспоминал, как когда-то в детстве все эти поселки еще кишели людьми и хвастались молодостью. А затем сразу вспоминались наши с Ней общие знакомые, которые увлекались постапокалиптическими пейзажами, и я, разглядывая устрашающие детали этих руин, ловил себя на мысли, насколько бесценны они для подобных фотосессий... Проезжая «ту самую» воркутинскую тюрьму, я вспоминал, как в ней работал мой Отец. В памяти прояснилось то время, когда он плел всяких

чертей из капельниц (и учил плести меня), приносил домой всякие поделки, курил и уходил в запой. Я вспомнил, как он пришел с работы под градусом и требовал, чтоб я достал с антресоли спички, а я не мог достать и ревел, пока не пришла Мама, и не начался очередной скандал. И тут же почему-то вспомнил об Ее давнишнем обезбашенном парне, о котором Она мне как-то рассказала... На воспоминания из одной прошлой жизни напластовывались воспоминания из другой — уже той, что слита с настоящим. Да, я снова вернулся сюда (вернулся слишком скоро, чем надо бы), и этот город в который раз разоблачал меня и стремительно скидывал тот защитный кокон, в который я так старательно заворачивался, чтобы убежать от *слабости*. Но я стиснул перед его лицом зубы, вместо того, чтобы как всегда их оскалить — «Не все так просто». Ведь я вернулся хоть немного, но *другим*.

18

МЫ ПРИЕХАЛИ (КСТАТИ, Перевозчик все-таки *взял* деньги...). Ощущение нереальности происходящего усилилось. Как же так?.. *Вот этот дворик и детский сад цвета желтка рядом. Вот этот подъезд с ржавой железной дверью, которая так и осталась без кодового замка — он срывался по три раза на дню. Вот обгаженные площадки, лестница, перекошенные почтовые ящики, сырость, испражнения и шприцы... Вот обшарканная дверь — единственная на этаже из дерева («О, неужели глазок наконец вернули на место?»).* Квартира 54... *И Её МАЛЕНЬКАЯ ЛАДОШКА В МОЕЙ.*

— Нам сюда...

Запах квартиры, *моей* квартиры, ворвался в меня и окончательно уничтожил (или воскресил?..).

— Вы это, раздевайтесь... Гриш, ну помоги ей сначала...

— Мам, ну знаю я... сейчас...

— ... Раздевайтесь давайте и в спальню переходите, там вроде потеплее. Гриша, включишь там обогреватель — рядом с кроватью стоит. В квартире холодрыга ужасная... А я пока чайник поставлю.

— Хорошо, — я присел на корточки, помогая Ей снять сапоги.

Мама открыла было дверь на кухню, но вдруг развернулась:

— Да, и Гриша тебя предупредил? — Она обратилась к Ней, я замер.

— О чем? — осторожно спросила Она. Голос громкий, металлический — волнуется...

Мать потрясла указательным пальцем:

— Про мое лицо? У меня лицо постоянно угрюмое — ты не обращай внимания, это оно у меня по жизни, вот, Гриша знает.

Я с облегчением рассмеялся, а Она улыбнулась:

— Я ничего не заметила.

Конечно же, ее лицо... Мать всегда о нем твердила, раньше постоянно говорила мне не хмуриться, а то привыкну и буду «как она». Конечно, это бред — одна из фишек Мама, которую она себе внушила. Видал я лица и в сто раз депрессивнее... Нет, какая-то печать угрюмости у нее присутствовала, но выражение ее лица скорее напоминало *усталость*, чем пессимизм. И тут я подумал, что она изменилась... В целом, все такая же, просто, наверное, постарела... Выглядеть стала еще более уставшей и выжатой (мимика, все эти морщинки, вымученная, пусть и теплая, улыбка; блестящие, словно слезящиеся глаза...), но в то же время стала и суетливее — из-за чего казалась *живее*. Как она сама потом сказала за чаем...

— ... Да мне не сложно, наоборот, в руки просится.

Я усмехнулся:

— Дурдом — чтоб работа сама в руки просилась.

— Да, Гриша, представляешь, — улыбаясь, покачала головой, — тоже раньше не понимала. Бабушке твоей постоянно что-то нужно было делать, она мне как-то сказала: «Жалко, что спать ночью надо — представляешь, сколько б сделать могла?». И я теперь так же... Вот, видишь, сижу с вами за столом, и руки деть некуда — сижу, сор сгребая... Эх, старость наверно, дети...

Может быть и так. Скорей всего так и есть, только вот рано еще ее совсем в старики записывать. Наверно, эта суетливость — какой-то там синдром страха перед *близзящейся* старостью. Дело к закату, и человек мечется, чтоб *успеть* до ночи.

19

НУ ВОТ, МЫ И СДЕЛАЛИ наш марш-бросок — теперь можно было расслабиться и по возможности никуда не выходить... Атмосфера снаружи прямо к этому располагала, и меня вполне устраивало «сидеть в норке», как Она почти презрительно выразилась. Без вылазок, конечно, не обошлось — особенно в первые дни, когда Ей хотелось хоть чуточку посмотреть поселок. Я говорил, что смотреть-то не на что, но

отделаться не удалось — Она-то, небось, думала, что это просто-напросто страх и лень. Да, и *это* тоже — чего уж врать — но смотреть-то на самом деле не на что... В общем, пришлось себя пересиливать. И по этому поводу у нас не раз возникали ссоры — вроде наконец собрались наружу, и я уже смирился, но тут «*бабах!*...» — и мы по разным углам, злые и наэлектризованные. И Она уже никуда не идет, а я начинаю кричать, что нет уж — раз уже оделись, пошли... ну, а потом махну рукой, раздеваюсь и иду в другую комнату. И тут вдруг Она решает пойти сама, надменно и ненавистно игнорируя мои попытки Ее остановить, и... все же добивается своего. Уходит, а я начинаю метаться от злости и безысходности — приходится быстро одеваться и высказывать следом, чтобы идти хотя бы на расстоянии (приблизиться все равно не даст)... И все в том же духе — казалось бы, эта проклятая ледяная глыба, в которую мы приехали за спасением, должна была остудить, но наша Нить стала накаливаться только чаще. Но что-то я слишком резко перескочил к нашим стычкам... Давайте, я вам лучше расскажу о том, как же мы все-таки обустроились...

Эта квартирка когда-то стоила очень недурно и была выдана Деду с Отцом на двоих (они оба военные). Сейчас же, если разобрать ее на стройматериалы, выручишь больше денег, чем если продашь целиком. Да и то не факт, что продашь — кому она *здесь* нужна? Это ведь даже не сам город — прилежащий поселок... В ней было две комнаты, и обставлено все довольно простенько, по-старому. Конечно же, без ковров на стенах и бюстов Ленина, но все же в ней прочно засел запах старья — может быть, запах девяностых. И этот запах не удалось перебить ни скромным ремонтом, ни даже полному обновлению родительской спальни (она теперь вся была белая). Кстати, по поводу «белой спальни»... Может быть, наша квартира всегда воспринималась мной, как старая, из-за полной дисгармонии в обстановке. Ну, то есть, в детстве я всегда завидовал друзьям, у которых не только пахло новой мебелью (один из задвигов Мамы на «вреде здоровью» состоял в том, что мы никогда не брали пахнущую мебель), но и обставлено было как-то в одном стиле, одних тонах. А еще у них ярко пахло в прихожих и стояли *вредные* микроволновки, и от этого всего у меня почему-то захватывало дух и составлялось впечатление современности и новизны. А у нас все было по-другому. Мы ведь несколько раз переезжали туда-обратно (Воркута — Молдавия — Воркута), и старые вещи никуда не девались. Что-то выкидывалось, но не все разом — и покупалось

новое, взамен. В общем, в обстановке преобладал неброский такой сумбур. Взять хотя бы новенький компьютерный стол из светлого дерева и прибитую у противоположной стены доску на подножке, замененную впоследствии на бэушный письменный стол темного цвета. Или же комплект из дивана и двух кресел — и древняя пружинная кровать в углу, которую я бы и сам ни за что не выкинул. Ну или, в конце концов, посуда. Никогда не помню у нас «одинакового» сервиза — у всех абсолютно разные и по размеру, и по цвету чашки. В общем, я думаю, многие поймут, что я имею в виду — как и то, почему эта квартира всегда будет ассоциироваться у меня с девяностыми. Жалко только, что чучело полярной совы и часы с кукушкой уже давно выкинули — вот их как раз так не хватало...

А вот родительская спальня стала первым островком чего-то нового и инородного в нашем доме — светлые современные обои, белые ковры, большая, почти на всю комнатку, кровать; покрашенный в белый (да-да...) одежной шкаф и телевизор с музыкальным центром и дивиди — цвета металлика... Сюда Ее и поселили. Хотя Ей, к моему удивлению, гораздо больше понравилась остальная часть квартиры — все то, что я так старательно описал выше, Она с умилением назвала уютным, ну а белизна этой комнаты со временем стала на Нее давить... Но в Ее положении подходил только этот матрас — диван был неровный и низкий, а на пружинах кровати Она спать и вовсе не могла — поэтому осталась тут. Ну а мы с Матерью расположились в зале (который был заодно и детской — здесь раньше спали мы с Сестренкой): она на диване, а я на своей родной кровати... Мурашки пробежали по коже, когда я впервые за столько времени прикоснулся к ней спиной, *чувствуя*, как дышит *Она* в соседней комнате...

20

СЕСТРЕНКА, ОКАЗАЛОСЬ, была уже в Комрате — на каникулах, ну а Мама работала с утра до вечера, поэтому мы могли немного расслабиться — все-таки квартира большую часть времени была только наша. Вот мы и устроились — в тишине и покое, — а впереди (по нашему замыслу) у нас было еще целых два месяца. Чем же мы занимались все это время?.. Хороший вопрос. А и правда: чем же мы все-таки занимались?.. Странно, ведь все произошло совсем недавно, но вспоминается с трудом... Воспоминания о днях в Воркуте как-то смазаны и пребывают в моей голове в некоем сумбуре. Нет,

я хорошо помню отдельные моменты, но не могу вспомнить, какое событие за каким следовало — будто кто-то взял и перемешал на столе фотографии, нарушив их последовательность. Впрочем, моя история от этого не пострадает, потому что хронология здесь не играет особой роли. Важно то общее впечатление, оставшееся в наших головах и сердцах. Мы очутились в этом городе, в нашем убежище, и все пошло как-то по-другому... Здесь словно все было иначе — даже время и пространство. Они будто слились в одну массу, лениво застыли, и мы, попав в это замороженное царство с отмороженным народом, боролись с тяжелеющими от сна веками. Это вездесущее присутствие нереальности для меня сохранялось на протяжении всего пребывания в этом городе.

Так что же мы все-таки делали?.. Думаю, все это можно описать словом «маялись». Честно говоря, я маялся в большей степени... ну, в том смысле, что ничего не делал. Хотя не сказать, чтобы мне было сложно — все-таки не привыкать к такому образу жизни, я «проучился» здесь шесть последних классов. Зато Она просто изнывала — тяжело было наблюдать, насколько Ей было скверно — и Ее состояние передавалось и мне. А ведь Она, в отличие от меня, почти целыми днями готовилась к осенним экзаменам (и Она, *в отличие от меня*, перенесла часть сессии по причине своей болезни). Когда уже было неважно, Она откладывала книги и тормозила меня пойти на улицу. Делать было нечего, ведь мои препирания оканчивались жуткими скандалами, а как показала практика, Она все равно добивалась своего и выходила на улицу сама — ну а мне приходилось высказывать следом... Впрочем, я уже об этом упоминал. Мне искренне не хочется иллюстрировать вам наши прогулки по этим улицам, да и вообще как-нибудь их комментировать, но уже никуда от этого не деться...

Наша первая, «ознакомительная», *вылазка*, разумеется, была самой трепетной и волнительной. Наверное, вам уже надоели мои упоминания о том, насколько странным казалось мне Ее пребывание здесь, в городе моего прошлого, в месте, где я помню себя не таким, как сейчас. Но я не могу перестать об этом упоминать всякий раз, ведь эта странность пропитывала тогда всего меня, мои мысли и состояние, и даже более того — она отбрасывала тень на все вокруг. Чтобы постараться больше не возвращаться к этому разговору, я попытаюсь... постарайтесь представить себе картинку. Знаете, есть такой прием в кино, когда все делают черно-белым и лишь какие-то элементы или персонажей для контраста

оставляют яркими и красочными? Вот примерно так же можно передать мое восприятие тех событий: Ее цветной и красочный образ, неведомо как и зачем вкрапленный на черно-белую пленку воркутинских панорам. Вот, собственно, и все... Теперь отвлекусь наконец от этой дурацкой *странности* и перейду к вещам материальным. Я тревожился из-за многих вещей. Хотя, если посмотреть на это трезво, их было всего несколько: боязнь нарваться на неприятности и встретить кого-нибудь из знакомых. Да уж, теперь я выгляжу полным трусом и вообще ничтожным сопливом... Наверно, так оно и есть — раз уж решил быть с вами искренним, чего уж там скрывать и отговариваться... Я не стану сейчас оправдываться — для трусости нет оправдания — но хотел бы кое-что сказать. Я ненавижу себя за эти слабости, за свою лень и частое безразличие. Временами я пытался с ними бороться, и каждый шаг был для меня невыносимо тяжелым, а редкая победа — грандиозным подвигом, которая таковым, конечно, не являлась и не несла «должного» вознаграждения. Или же вовсе не была замечена и оценена. И это беспощадно било по мне, и я отчаивался, а новые попытки делались бессмысленными в моих глазах... Но знаете, теперь все было немного по-другому. Я словил себя на мысли, что не так переживал бы, случись что лично со мной. Но когда я шел по этим улицам с Ней, ответственность тяжким грузом придавливала меня к земле. Я боялся за Нее, боялся того, что у меня не хватит сил защитить — а ведь сейчас, в таком положении, Она была так уязвима...

Но в нашу первую прогулку все прошло на удивление гладко. Да и из школьных знакомых никто не встретился. Что тут сказать, мне заметно полегчало, и я даже немного расслабился...

Показывать в этом поселке было абсолютно нечего, и единственное, что пришло мне в голову — повести Ее к нашему Дому быта и прилегающему к нему Универсаму. Это что-то вроде закупочного центра в этой дыре. Единственным развлечением там было походить по рядам, поглазеть на товары, но лучшего я предложить не мог. К тому же, насколько я помнил, в Универсаме было старенькое дешевое (не столько по ценам, сколько по виду и выбору... мм... кушаний) кафе. Да и, в конце концов, я обо всем предупредил — сама напросилась... Погода была ясная и достаточно теплая, хоть солнце и светило будто сквозь замутненное стекло. Я вел Ее привычным когда-то мне самому маршрутом, и все это было как будто во сне — каким бы заезженным ни было это выражение, но все было именно так. Не знаю, каким было Ее впечатле-

ние от увиденного, но Она смотрела вокруг с любопытством. Наверное, Она была немного в шоке от всех этих обшарканных, а то и заброшенных построек, задавала мне какие-то вопросы о поселке — я отвечал и вызывал Ее смех с примешанным недоумением. Кстати говоря, я сам малость поражался, несмотря даже на свой критический настрой, когда еще только какой-то год назад видел этот дом или детский сад в нормальном состоянии, а теперь они превратились в облупленные исписанные постройки с выбитыми или заколоченными окнами — где теперь наверняка ютились бомжи и наркоманы. Как же стремительно все-таки, словно какая-то чума, эти Смерть и Опустошение проникали в последний жилой поселок. Даже я не подозревал, что настолько стремительно... Два года назад, когда я навещал своего знакомого и поднимался к нему на пятый этаж, не было ни одного подоконника в подъезде, не заваленного шприцами, — без преувеличений. Так вот интересно было бы заглянуть туда теперь... Мое воображение рисовало руины, заполненные зомби, которые притихли и ждут неосторожных гостей. Что и говорить, наркомания и алкоголизм распространялись здесь так же стремительно, как и Опустошение... Но мои мысли, слава Богу, прервала Она:

— Что это за кубик?..

— А... Не помню, как называется... памятник, короче. Олицетворение угля, шахтерского труда или что-то вроде того. Ну все, я тебе его показал, можем возвращаться, — я улыбнулся.

— Ага, пойдем давай. Это и есть твой Дом быта?..

Я рассмеялся.

— Да. Погоди, ты еще внутри не была, — и я Ей подмигнул.

Основной причиной наших полугрустных усмешек был громадный плакат на обшарканном здании магазина: голливудские модели на пляже сияли белоснежными улыбками. Его неуместность на этом фоне очень веселила.

Прошлись по магазину, затем зашли в дореволюционное кафе, по поводу которого у нас возникло тоже немало шуток. Вот и все, собственно. Никаких встреч или происшествий. Рассказывать не о чем. И практически каждый раз наш маршрут был один и тот же — в этом кафе садились за один и тот же столик и заделались вроде как уже постоянными клиентами. Она заказывала молочный коктейль (когда везло — клубничный... это я к тому, что клубничный сироп у них не всегда был в ассортименте, а другого и вовсе никогда не было) и одно из нескольких пирожных — что посвежее. А я брал

черный чай с лимоном, и пока тот остывал, выходил курить (благо выход был совсем рядом, и я мог видеть, что происходит в кафе). Такой наш распорядок уже вошел в привычку. В том же Универсаме я купил аккумуляторы для фотоаппарата (кстати говоря, продавцом оказался парень, некогда окончивший нашу школу, — я притворился, что его не знаю, да и он, похоже, меня не узнал). И теперь, совершая наш привычный маршрут, мы каждый день фотографировались — в одних и тех же декорациях. В одном только кафе несколько десятков фотографий — причем на одном и том же фоне, ведь каждый раз мы садились за тот же столик — на которых менялись лишь Ее позы, прическа и одежда. Иногда под вечер мы еще выходили во двор — посидеть на скамейке или покачаться на детских качелях. Фотографировались и там. Из-за тоски и скуки, возрастающих с каждым днем, мы не знали, куда себя деть, и эта нахлынувшая фотомания превратилась в средство занять руки. Чертовски забавно, что за время нашей добровольной «ссылки» мы сделали больше совместных фотографий (причем нередко действительно удачных фотографий), чем за все время наших отношений... Нет, вы только подумайте: большинство наших фотографий в милом душе альбоме изображают *Воркнуту!*..

Но большую часть времени проводили, конечно же, в квартире. Как я уже упоминал, Мать приходила вечером, поэтому целый день мы могли чувствовать себя свободно в этих стенах (а я — еще и уютно: во-первых, из-за того, что внутри лучше, а во-вторых, присутствие здесь одновременно и Ее и Матери меня стесняло). Вечером мы садились втроем ужинать и пить чай, разговаривали о всяком. Но в основном Мама к нам не лезла, так как вбила себе в голову правило «не мешаться», за что я ей, по правде говоря, был благодарен. Ну а Она в основном готовилась в своей комнате и часто ворчала на меня из-за того, что бездельничаю. Они обе на меня из-за этого ворчали — каждая по-своему... Я принимался что-то учить, но надолго меня не хватало. Это была одна из причин наших с Ней ссор. Нет смысла вам их показывать — практически всегда наши ссоры были из-за одних и тех же вещей, и мы уже кричали друг на друга чуть ли не по вызубренному сценарию. Я знал, что тут я не прав, но... ай, да что там опять разводить — мы это уже с вами проходили. Толком даже не могу вспомнить: чем же я умудрялся занимать себя все это время, если практически ни к чему не готовился?.. Копался в компьютере, тихо слушал музыку (один раз, ради разнообразия, мы поссорились из-за громкой музыки),

рылся в своих старых вещах, все больше и больше заражаясь больной ностальгией... Все чаще выходил на балкон покурить, хоть и обещался Ей курить меньше, и с каким-то странным томным ощущением лицезрел ржавую тундру перед собой, перечеркнутую вдаль синевой Уральских гор. А еще каждый раз посмеивался про себя, бросая взгляды вниз, на клуб игровых автоматов (непонятно зачем здесь отстроенный), на здании которого торчали крупные красные буквы: «ФОРТУНА». Когда я выходил курить уже под вечер или прокрадывался на балкон ночью, меня наполняло забытое чувство какого-то смешного и нелепого детского авантюризма, и оно искрилось в груди, пробегало по коже током и клокотало где-то под горлом безумной радостью вперемешку с детским страхом. Дело в том, что Мать не знала о моей вредной привычке, и я очень не хотел, чтобы узнала теперь. Поэтому когда я выходил курить в такое время, то и дело оборачивался — не идет ли она — и испытывал этот бредовый вышеописанный восторг. Иногда мы с Ней садились на балконе вместе, обнявшись и укутавшись каким-нибудь покрывалом, и мечтательно дымили ароматизированной табачной дрянью, которая Ей пришлось по душе и была припасена на такие вот особые случаи (да уж, только плохие примеры я Ей и подаю... хотя, может, это Она уже с тоски). В такие моменты что-то необъяснимо нежное и теплое разливалось по нашим телам, я обнимал Ее крепче и чувствовал нас уже супругами, купившими домик где-нибудь в тиши. В такие моменты мы говорили о чем-то отстраненном, ласково смеялись, улыбались и вдыхали всей грудью коптельный воздух, глядя на силуэты гор и представляя, видимо, что вдыхаем не этот, а тот — чистый, горный. В такие моменты... трудно передать словами, честно говоря. Но эти моменты — одно из самых ярких воспоминаний о нашей смешной и глупой поездке.

21

ЕЩЕ Я ЧАСТО ЛЕЖАЛ, просто лежал и смотрел в потолок с учебником на груди — на случай, если в комнату заглянет кто-нибудь из этих двоих... Просматривал барахло в своих ящиках, старые альбомы с комратскими фотографиями (и наскоро вынимал из них всяких девчонок, которых наглый мальчонка с моим лицом сгребал в охапку с шуточно-пошлыми минами). Листал пожелтевшие тетрадки с какой-то дурацкой фэнтезийной писаниной, которую (подумать только!) мой Отец когда-то

читал Сестренке вместо сказок. Думаю, он был горд, что я занимаюсь творчеством... Вообще, я испытывал перед ним чувство вины. Несмотря на то, что он некогда свалил куда-то на заработки, да так там и пропал: здоровый, целый, но забывающий присылать нам денег. Они ведь тоже постоянно ссорились — всю жизнь, можно сказать. Несколько раз дело доходило до развода, но они не делали этого только ради нас. Жить ради детей, не любя друг друга... Это ужасно. Раньше я об этом не задумывался, но тогда вдруг подумал, насколько это удручающе, насколько невыносимо должно быть. И стало жутко... В результате таких отношений, когда я уже заканчивал последние классы, произошло то, чего и следовало ожидать: Отец всколыхнул в себе остатки якобы растоптанной гордости, стал принципиален и решил отправиться на поиски работы, которая приносила бы денег не меньше, чем добывала Мать. Они поссорились жутко из-за этой его идеи, и он просто уехал — считай что развелись. В таких случаях стоило бы пожалеть Мать, содержащую нас с Сестрой, но она сильная, выносливая, прекрасно справилась... И почему-то ты всегда расположен к тому, кто ушел, кто предал — неважно из-за каких причин и побуждений. Но тут я немного неверно выразился. В моем случае меня не тянуло к Отцу — наоборот, я еще с детства поставил барьер (вернее, барьер сам собой как-то возник...), в который он так старательно и слезно бился. Просто я чувствовал перед ним какую-то вину. За то, что не ходил с ним на охоту в детстве, когда он меня звал, за то, что не хотел приобщаться к труду, когда он что-то мастерил из дерева, за то, что никогда ничего не рассказывал личного (как, впрочем, и Матери; но для Матери, как и любой сын, я был более открыт). За то, что часто изъяснялся с ним коротко и по-чужому, надевая на себя какую-то хмурость. Я был закрыт для него — не знаю, почему, просто рефлекторно сворачивался в панцирь всякий раз, как он осторожно подносил ко мне дрожащую руку. Это не раз вызывало в нем слезу, в его мягком, ранимом, несколько легкомысленном творческом сердце. В этом сердце было и немало мелких каких-то злобностей — но скорее от слабости, и теперь, когда я понимал это, мне и становилось совестно. Просто я не мог с собой ничего поделывать, его попытки сблизиться, особенно теперь, выйти со мной на «взрослые разговоры» за бутылкой пива, виделись настолько нелепыми и комичными, что вызывали трудно сдерживаемую неприязнь. Что-то мне мешало сломать в себе эту преграду, и я знал, что нам никогда не сделаться ближе — всем нам, всей нашей семье,

включая Сестренку. По крайней мере, мне никогда не стать ближе с каждым из них. Я долго искал причину такого обособления, и тогда, в Воркуте, когда я перебирал свои старые вещи, а за стеной Мать о чем-то болтала с Ней, меня вдруг осенило... Хотя «осенило» — не совсем подходящее слово, слишком светлое. Скорее «резануло». Мне сложно делиться этой мыслью, я откопал ее из самых сокровенных углов памяти — куда некогда насильно запихал и закидал носками, чтоб не думать никогда вновь. Но во время всех этих откровений, что я раз за разом изливаю на бумагу, я, похоже, вошел во вкус, мною завладел какой-то нездоровый азарт... и вот, теперь я не только готов быть голым перед вами, но и хочу, да, именно, хочу, чтоб вы содрали с меня кожу. Я пьян этим, и простите за пафос.

Когда я был еще совсем мал, у родителей было предостаточно денег. Меня, как первенца, баловали, Мать носила на руках лет до пяти. Она давала мне все, что захочу, пылинки сдувала и наливалась ядом для каждого, кто посмел бы на меня косо взглянуть. Я мог просить любую вещь в доме: и дорогие вазы, и порнографические журналы — в те годы они относились к таким штукам несколько безответственно, думали, что я все равно «ничего не понимаю». Пару раз меня застали за тем, как я с раскрытым ртом крутил кассеты с эротикой, на что лишь рассмеялись. Мать разрешала мне много непозволительных вещей. Просто она так любила... Отец пытался разбавить это строгостью, но из-за слабости в характере у него это получалось как-то лишь периодами, и потому иногда даже чересчур, из-за чего его воспитательные уроки иногда отдавали жестокостью. Из-за этого они часто ругались. Так что я все-таки рос избалованным, а попытки Отца чаще откладывали во мне негатив к нему, нежели воспитывали. Лет до 8—10 (не помню, когда все изменилось) я был открыт для них и лез нежиться, всегда был готов для откровений и объятий, особенно с Матерью. Ну а потом... потом что-то произошло. Не случилось никакой катастрофы в семье, просто что-то перемкнуло в голове. Теперь думаю, что, возможно, это был стыд. Просто где-то в подсознании воспоминания, которые я ненавижу и поныне, к определенному возрасту запунцели.

И Сестренка — перед ней мне ведь стыдно тоже. За то, что обращаюсь с ней в детстве слишком жестоко, хотя меня и уверяли, что все братья-сестры издеваются друг над другом. Но я не могу себе это простить. Я помнил, как Мама дразнила меня, маленького, дурацкой тряпич-

ной обезьянкой. Она разыгрывала каждый раз одну и ту же игру: говорила, что я больше не ее сынок, что ее сынок теперь эта обезьянка — и демонстративно ее обнимала, качая на руках. Я ревел, и только тогда она лезла меня жалеть, баюкая и лелея. Я знаю, что Мать до сих пор себе не может простить этих глупых молодежных выходов. Хах, как-то странно даже осознать, что эта консервативная, простенькая, чисто традиционная такая Мама когда-то могла быть легкомысленной и несерьезной. Я совершенно не держу на нее зла, но, возможно, именно эта обезьянка, наряду с другими пустяковыми глупостями, посеяла во мне странности, которые меня пугают с детства, которые подразумевают нечто, что я катастрофически боюсь в себе обнаружить... Я... Черт. А ведь эта чертова мартышка досталась потом и Сестренке. Только уже от меня. Только уже несколько по-другому. Не было самой обезьянки, был лишь я и Сестренка напротив: мелкая, худенькая, смуглая, большеглазая, постоянно зубками в нелепой улыбке сверкает — точь-в-точь я восемь лет назад. Помню, как толкал ее, холодно плевался, что она не моя сестра, что она вообще не наша, что она мне не нужна, тыкал в нее пальцами, выбрасывал ее игрушки за порог. Поначалу она хохотала, пошатываясь от моих толчков, потом менялась в лице, заливалась испугом, мотала головой: «Нет, нет, Гиша, я ваша!». Я не мог остановиться, из меня что-то вылуплялось каждый раз, что-то черное... Мне было и больно, и злобно так делать, но я продолжал, я должен был все довести до конца — получал удовольствие от своих мучений, как когда сдирал кожу с губ. Я хватал ее за ручонку и тащил к двери, велел уходить, снова толкал, тряс, скалился перед самым ее личиком... Однажды я не рассчитал, толкнул слишком сильно, она потеряла равновесие и разбила губу о плинтус. И только тогда, когда она взрывалась в судорожном, невыносимом плаче, когда вся начинала трястись, пытаясь нацепить босоножку, чувство жалости достигало той требуемой черты, и я бросался ее обнимать и жалеть, сам уже давясь слезами. Ровно так же я переставал душить котенка, когда у него уже начинали вылезать глаза и он едва не задыхался — и, разрываясь во влажном хрипе, прижимал черный комочек к груди, гладил его, целовал. Ровно так же я бил нашу козу ногами, пока у той не наворачивались на глазах слезы — и я падал в навоз перед ней на колени, стискивал голову, давал ей дрожащей рукой соли... Вот он я. Все жгли муравьев лупами в детстве, но я нес это с собой всю жизнь и продолжу нести дальше. Потому что это что-то другое,

что-то большое, и... во мне может сидеть кто угодно. Меня слишком рано испачкала пошлая сторона взрослых отношений, меня слишком избаловали, и... я не знаю, в чем именно причина. Но теперь я так боюсь найти в себе маньяка... Возможно, вас это рассмешит. Но меня это никогда не веселило. Может, именно поэтому я так остро воспринимаю весь человеческий отврат, может, именно поэтому держу от себя родню на расстоянии. Как Сестра чуть подросла, мы перестали быть такими близкими, как раньше. Она тянулась ко мне, скучала, но мне что-то мешало просто обнять ее и сказать несколько ласковых слов. Вместо этого она получала шуточные издевки и резкости. И все это время я мучился чувством вины. Не было больше той жестокости, конечно, была лишь какая-то вредность, которая была чем-то вроде защиты. Того самого барьера. Наверно, я отгораживался этим барьером не от них. Я пытался отгородить их от себя...

21

У МЕНЯ ВЕДЬ БЫЛИ и теплые воспоминания, достаточно много. Те, что не давили своим грузом. Хотя любое личное воспоминание, любая памятная вещичка *давит*... Даже если оно о счастливых моментах в прошлом — все равно давит. В силу своей невозвратности. И тем не менее эта светлая грусть согревала сердце, когда я лежал, смотрел в потолок, вместо того, чтоб читать, и вспоминал... например, Комрат. Я уже упоминал, что мы жили там раньше: в большой семье, с кучей родственников по соседству. Я бегал из дома в дом, играл, обедал в любом из них. Это *все* было мне домом.

Комрат — небольшой городок на юге Молдавии. Молдаван в нем не так много (да их там и не любят) — в основном гагаузы, ведь Комрат вроде как столица этой маленькой автономии в несколько городов и сел. Моя Мать происходила из этого малочисленного племени, Отец же был русский. Не знаю точно, откуда взялся народ с таким смешным названием. По одной версии — это смешение болгарских и турецких кровей, по другой — они потомки древних кочевников огузов. Меня никогда это особо не интересовало, но я всегда был горд редкой кровью, считал ее благородной и все такое... Разве что часто стеснялся произносить «гагауз» непривыкшему уху, и изо рта выскакивало нечто скомканное. Я учился там до четвертого класса, в русской школе. Хотя там все школы русские — с дополнительным предметом «гагаузский язык». И это был

необычайно дружный класс. Со своими выпендречниками, но они воспринимались не иначе, как с иронией. Четыре года я практически и знать не знал про какие-то конфликты. К тому же у меня было полно старших братьев, которые внушали ребятам уважение и страх. Не то, чтобы в Комрате не творилось беспредела, просто он каким-то образом обходил меня стороной... И я узнал, что такое страх и озлобленность, только когда переехал в Воркуту. Из жаркого города с теплыми беззаботными отношениями в северный город с холодными неприветливыми одноклассниками. Ха, как это символично. Я не был готов, и меня сломили и подмяли. Вот так это и произошло. А теперь я снова был здесь — в городе, который был не виноват в моей мягкости — со своей гипертрофированной к нему неприязнью.

Постепенно я стал замечать за своим сердцем странные штуки — нечто, противное разуму... Я начал осознавать, что со мной тут что-то происходит. Конечно же, была и тоска и скука, но скорее за Нее — Она с каждым днем изнывала все больше и больше, иногда чуть ли не выла — в буквальном смысле. Конечно же, был еще и этот страх вперемешку с отвращением и злостью, который закрадывался даже тогда, когда я вечером наблюдал из окна за пьяной шпальной, орущей под окнами. То есть, был стандартный коктейль ощущений, к которым я привык в этом городе. Но все-таки со мной происходило что-то еще, и я боялся этого, злостно пытался отмахнуться. Все чаще стала накатывать ностальгия и прочая чушь, я словно бы мало-помалу, но начинал воспринимать этот город уже немного по-другому и злился на себя за это. Наверно, я боялся, что эта неведомая, необъяснимая зараза проникает и в меня, что и мной начинает завладевать это нездоровое привыкание. Горечь начинает отдавать сладостью... Конечно же, я здраво понимал, что никакая сила не сможет заставить меня намертво прикипеть к этим опустошающимся улицам и этой безжизненной тундре вокруг. Знал, что ничто не заставит меня остаться здесь жить — это же просто абсурд... Но тем не менее все эти едва заметные процессы во мне вызывали тревогу. И снова всплыли сентиментальные воспоминания, только уже не о месте, где родился, а о том холодном месте, куда впоследствии попал... попадал несколько раз. Вспомнились старые киоски, коллекционные динозаврики, «Киндер-Сюрпризы», от которых захватывало дух, и варежки на резинке. Старые полосатые сани, Отец, уходящий в тундру с ружьем, те самые часы с кукушкой и то самое чучело полярной совы... И еще куча всего, что,

казалось, и делало Воркуту когда-то ярче, чище и насыщенной... Кажется, именно тогда, наполненный мыслями, сантиментами и всяческими мелкими переживаниями, возносящими меня над преградой собственной лени, я сел писать. Я обману, если скажу, что тогда лень была побеждена, и я бросился с головой в работу — нет, к сожалению, нет... Я писал с перебоями и большими пробелами — где-то мне это давалось легко, залпом и вдохновенно, а какие-то моменты я растягивал на несколько недель. Что тут говорить — судите сами: я мусолил свою писанину целых полгода... С подготовкой к «хвостам» дело обстояло еще хуже. Днем я занимался чем угодно, но только не этим, а вечером мы сидели смотреть с Ней фильмы, которые преднамеренно записали на кучу дисков перед отъездом. Я уже говорил о том, что за это мое бездельничество Она постоянно на меня кричала?.. Впрочем, примерно так же я проводил время на протяжении всех шести классов, которые здесь проучился. На улицу старался выходить только по надобности, целыми днями протухал в своей берлоге, маясь непонятно чем. Когда появился компьютер, стало, конечно же, веселей — я почти целыми днями играл (поначалу родители ставили какие-то рамки вроде двух часов в день, но постепенно мне удавалось выгрызть у них все больше и больше лимита). Представляю, каким я теперь перед вами выгляжу... Что ж, заслужил. Это ничего не изменит, но мне самому тошно смотреть на себя со стороны. Жутко становится от того, как я проводил детство... да и сейчас частенько напоминаю того себя, чего уж скрывать... Хм, кстати, о видеоиграх. Во время одной из наших вылазок к Дому быта я не удержался и купил очередную игру. «Braid» оказалась гениальным философским платформером, и это была первая из головоломок, которую мне интересно было проходить до конца. Я понимаю, что слушать об этом *нормальным* людям малоинтересно, но я рассказываю это не просто так. Дело в том, что эта игра настолько поразила меня, настолько пропитала своей атмосферой, что я потонул в ней с головой. Я уже говорил о том, что наше пребывание в этом городе казалось вне времени, словно нас окунули в какой-то статис, словно мы вмерзли в гигантский ледяной куб, захвативший последние минуты жизни этого места — пауза перед катастрофой. Так вот, фенька в том, что это мое восприятие было отражено в игре, она целиком и полностью была завязана на манипуляциях со временем. Неудивительно, что в такой момент эта игра так меня поразила и поглотила... Но как было объяснить Ей, воспринимающей видеоигры, как не-

что бессмысленное и пагубное, что и в этой среде тоже бывают шедевры?.. Хотя я Ее понимаю. Если бы я занимался тем, чем должен, и только во время *отдыха* уделял внимание всей этой чепухе — все было бы по-другому. Боже, как же я надеюсь, что исправим...

23

— **ДЕТИ, НУ НЕ РАССТРАИВАЙТЕ** вы нас... Если уж поступили, доучитесь нормально! Гриша, ну вот почему бы тебе не делать то, что велют? Нетрудно ведь, вечно ты упрямишься. — Это был один из редких вечеров, когда мы сидели все вместе, втроем, и пили чай. Как я уже говорил, Мама старалась «не мешаться», хотя я чувствовал, что ей хочется побыть с нами. После отъезда Сестренки в отпуск, ей стало совсем уж одиноко, наверное...

— Мам...

— Нет, вы не понимаете, — встряла Она. — Никогда не подлизывалась к преподавателю ради того, чтоб иметь хорошие оценки или быть на хорошем счету. Другое дело, что он, — ткнула с полушутливой строгостью в меня пальцем, — постоянно бездельничает и ничего не учит. А что касается творчества — все правильно. Понимаете, у нас две крайности. Есть хлам, продающийся в киосках, метро, вокзалах, во всех этих книжных на первых полках. Чистой воды коммерция, мусор со смазливими рожами на оборотах. А есть то, что якобы настоящее, но его не «хотят печатать, сволочи»...

— Ну, часто действительно так, — заметил я.

— Ай, — Она махнула на меня рукой, — иногда так и есть, но эта так называемая литературная элита лает на все, что разошлось большим тиражом, даже если это на самом-то деле классно. Ну вот взять ту же У-ву с Д-ой — не зря они так популярны. Я-то современную литературу в принципе не люблю, но надо признать: они умеют завлечь, талантливо рассказать историю — а так тоже надо уметь. И они не скрывают, что прежде всего *работают*, а не *сочиняют* — зарабатывают деньги.

— Ну, я бы не хотел такого... Попытаюсь все же что-нибудь настоящее написать.

— Посмотрим, когда прижмет. А я бы не прочь и так. Несомненно, это никакая не литература, а беллетристика. Это не плохо, это просто *другое*. Другое дело, что есть плохая беллетристика, и ее полно. Литература, конечно, выше, но вот знаете, — Она снова обратилась к Матери, сильно жестикулируя. Вообще когда она говорила о чем-то серьезном, резко меня-

лась. Говорила звонко и твердо, часто едко, но сейчас из стеснения к Маме, Она немного подавляла в себе этот пыл, — вот знаете, то, что творится в большинстве своем в узких литературных кружках (взять хотя бы некоторые наши творческие семинары) — это полнейший бред. Те пишут чисто ради денег, эти же гордо кичатся «бедностью настоящей литературы», а сами в большинстве своем выпускают какие-то бытовые отходы, которые ни той самой литературой не назовешь, ни продать не удастся. Первые хотя бы на хлеб с этого имеют. Они ремесленники. А у вторых ни того ни другого. И что?

Мама просто слушала, убегала куда-то глазами и постоянно кивала, поджимая губы и будто бы о чем-то думая.

— Ну... беллетристов я все-таки не перевариваю, — ответил я с растяжкой — чисто уже из вредности, — но, мам, у нас действительно часто хвалят не за качество написания, а за попытку написать о чем-то социальном. Я не против социального, просто надоело читать... весь этот хмурый быт.

— Да, X-р Т-он вот, к примеру, написал очень остросоциальную вещь. Но *как* он это сделал!.. А тупое топтание на месте и унылое описание бытовухи — это не лучше коммерческого чтива. Если никакой из тебя писатель, так чего пыжиться, элиту литературную из себя строить? Либо вообще не пиши, а займись делом, которое умеешь, либо попытайся по крайней мере заработать пером денег!

— Ну не знаю, дети... — будто бы в раздумье ответила Мама после небольшой паузы. — И все-таки зачем конфликты с преподавателями? Можно же помягче, написать и так, чтоб им угодить, и так, чтоб самому нравилось. Вот попробуй, Гриш!

— Мам, — я нахмурился и мотнул головой, отхлебывая чай, и снова обратился к Ней с ухмылкой, — а как же все эти писаки вроде М-ва и Б-ва? М-в, кстати, постоянно в своих интервью и на передачах всяких твердит, что для него это лишь заработок.

— Ай, эти вообще... — Она раздраженно махнула рукой, — в этих же передачах Минаев выставляет себя полным идиотом, он такое гордит... Я его просто не перевариваю...

Мы с Матерью засмеялись.

— НО! — С вызовом ткнула пальцем Она, сдавливая улыбку. — Он и пишет не пойми что!

— Но погоди, ты же не против, если люди просто этим зарабатывают, разве нет?

— Не совсем. Если у тебя получается хорошо развлечь за эти деньги, но при этом ты не претендуешь на глубокую литературу — я это при-

знаю. НО если ты пробился легким и пошлым путем, через знакомых там, а единственная заслуга твоей макулатуры — дешевый кич, то это низко. Сейчас же все на кич ловятся, на наглость. «О, как смело он высмеял мэра! О, как откровенно он показал инцест и расчлененку!» Такой аудитории подавай то, что позабористее. Это как наркомания: чем больше читаешь бессмысленной грязи, тем жестче хочется. А Б-в — так этот вообще. Опустил Россию и русских ни же некуда, а те и радуются, контркультура в крови играет. Да какая это контркультура! Это свинское бескультурье скорее. У нас менталитет такой дурацкий. Слишком терпеливы мы к таким выходкам.

— А что он написал? — спросила вдруг Мать.

— Да про тяжелую жизнь гастарбайтера в России, — ехидно ответила Она.

— Ну... с ними и правда не очень хорошо поступают. С нашей махалы¹ вот тоже ездили.

— Ай, ну если им так плохо приходится, так чего ж они все едут?! — вспыхнула Она.

— Работы нет, вот и едут, что ты?.. В том же Комрате при Союзе, что ни говори про него, а работа была. Столько заводов там стояло, а теперь ни один не работает — здания либо снесли, либо турки-частники скупили. Только там они чаще своих же устраивают. — Мать отвечала спокойно, как-то даже по-доброму, примирительным тоном, но явно почувствовался накал, и в моей экзотической крови забурлило вдруг что-то едкое, нехорошее — чисто рефлекторно. И мне стало вдруг стыдно за это, я в очередной раз понял, насколько глубоко в нашу сущность ввелась вся эта политическая ситуация вокруг. Все эти годы расовых конфликтов. А ведь я уже года два принципиально не смотрю телевизор...

— Вы не поймите меня неправильно, — начала Она, чуть смутившись, — меня вот многие чуть ли не нацисткой считают, а я просто-напросто патриот...

— Все нацисты так говорят, — вставил я уже шутливо, что Она проигнорировала, только злобно пальнула в меня глазами. Если б Ей сейчас не требовалось донести до Матери свою точку зрения, выплеснуть то, что кипит, Она бы серьезно психанула на меня и ушла в комнату...

— ...И ведь они просто не *слышат*, что я пытаюсь сказать! Все вокруг настолько надичены из-за всех этих расовых распрей, что катастрофически боятся «быть неполиткорректными». Когда кто-то убивает чеченскую девочку, об этом трещат все каналы, страна судорожно объявляет траур и всячески пытается показать, что

¹ Стороны (*жарг.*).

ненавидит фашистов! А когда пара кавказцев изнасилует и убьет нашу девочку — об этом не будут вопить телеведущие! Из этого не раздуют какой-нибудь культ!.. Это уже не нацизм, темнокожие не могут быть нацистами! Вы поймите, для меня главное, чтоб человек был культурным и воспитанным — неважно, кто это: русский ли, или араб. У меня достаточно знакомых *оттуда* — и я с ними прекрасно общаюсь, потому что люди хорошие. Но когда какое-то быдло приезжает сюда кормиться и нагло опускает распахнувшую ему двери страну — это уже неприемлемо! Вы знаете, что сделают с русским, приехавшим куда-нибудь к армянам и попробовавшим выкинуть что-нибудь этакое??..

Мы промолчали. Воздух еще долго звенел, Она была холодно-бледной, восковой, глаза обжигали.

— Я возьму, дети, это наверно с работы, — из коридора вовремя донеслась трель телефона, и Мать поспешно встала из-за стола, — захотите еще пирога, Гриш, достанешь. Но ты много его не ешь, у тебя желудок...

Вообще, мы редко затевали подобные разговоры. Поначалу, когда мы только встретились, мы с Ней любили горячо обсуждать что-нибудь остросоциальное, политическое или литературное в кругу творческих знакомых. Мы часто посещали всякие конференции, презентации, проскальзывали на вручения всяких литературных премий (нередко из-за банкета), и проч., и проч. Нам нравилось вариться в этом, обсуждать это, мы едва ли не начали ощущать себя чертовой художественной богемой. А потом пришло время для операции... После все пошло в другом темпе — все стало более размеренным, спокойным, осторожным. В большей степени, конечно, из-за Ее положения — другой образ жизни теперь был неприемлем (по крайней мере, первые полгода). Но было и кое-что еще, признаюсь вам. Было что-то и со мной: какая-то нездоровая усталость, временами даже апатия. Не так, чтобы совсем, но она замечалась. Наверно, нехватка витаминов, или что-то еще... В общем, суть в том, что теперь мы не могли жить взахлеб, как первые месяцы знакомства, но я мог бы найти достойные альтернативы, создать для Нее хоть какую-нибудь иллюзию движения. Это ведь столица — тут полно можно найти развлечений. Но... мне не хватило энтузиазма. Да и Она тогда не особо уже стремилась к этому. И произошло то, чего я поначалу не заметил, но что теперь так бросается в глаза... Каким-то образом, по Ее ли сценарию, или же сами по себе, по инерции, но мы стремительно ото всех абстрагировались. Ото всех и вся. Мы были вдво-

ем, в тепле, мы дышали (ну или по крайней мере пытались дышать) одним воздухом. Мы были всегда вместе, те немногие друзья, с кем сохранился контакт, стали нашими общими друзьями, мы знали о каждом телефонном звонке друг друга и всякий раз делились всем, что происходило в те часы, когда мы не могли друг за другом наблюдать. Любым пустяком. Если я не поделился с Ней мыслью, показавшейся мне важной, я чувствовал себя едва не предателем... Мы что-то читали вместе, смотрели, с теплом и осторожностью вили и вили наше гнездо. Там, за бортом, бурлила грязь и пропаганда, попса и детская порнография, катастрофы и толпы идиотов — каждый номинант на премию Дарвина. Неизвестно, как скоро все это смоем водой, но мы отчетливо улавливали запах прилива... и спасались друг в друге. Мы были дики и брезгливы. И не удивительно, если вы не сумеете проникнуться этому гротеску, если он покажется вам безумным и неестественным — у многих из вас возникнет то отторжение, которое возникло у нас к миру вне Гнезда. Как-то раз Ей приснился сон, в котором мы вдвоем — из Племени Птенчиков, последние в своем роде. Мы тогда над этим посмеялись по-доброму, но это навсегда стало олицетворением нас. И все же идиллии не было... Ну, вы помните. Мы часто ссорились, порой нам становилось тесно, и мы высекали искры друг из друга. Мы были слишком разными, но все-таки у нас было нечто, что нас роднило, нечто крепкое... не знаю даже, каким словом это назвать. Любовь? Не знаю... Мы прижились друг к другу, обрели общий запах — словом, нас будто действительно роднила принадлежность к тому самому Племени. Не хотелось бы все портить и называть это банальной привычкой... Даже теперь боязно.

Удивительно, мы ведь даже умудрились поспорить в то самое утро, когда Ее везли в больницу... Наверное, виноват снова я. *Григорий должен быть быстр, Григорий должен быть мужествен, Григорий должен быть аккуратен и опрятен, он должен быть сдержанным и не спорить с женщиной. Григорий должен вылететь из себя Аполлона, сделать тело, заслуживающее женщины. И еще Григорий ни в коем случае не должен смотреть на других женщин...* Чтобы не вызывать Ее ревность, доходящую порой до абсурда, я оборвал все знакомства с женским полом — если те не приходились мне родственниками. Я нацепил маску угрюмости, боясь, что Она увидит расположение и интерес в моем лице, когда проходящая спросит сигарету. И я перестал вежливо улыбаться продавщицам... Если бы я не осознавал тогда, что действительно про-

клят чертовой полигамностью, то не стал бы так укорять себя, вестись на все эти Ее безумия. В общем, я старался быть нормальным... Я чувствовал, что натянул свою кожу до предела, что вот-вот, и она лопнет. Я был улиткой, пытающейся запрограммировать свою раковину принять квадратную форму. Возможно, я слишком утрирую, возможно... да скорей всего даже *наверняка* сделать из себя нечто лучшее действительно можно. Просто... просто я вот лежал на своей старой пружинной кровати тогда, в Воркуте, после той нашей пылкой беседы на кухне, и меня опять грызли сомнения. Сомнения, которые я уже отчаялся когда-нибудь похоронить. Минутой раньше я был в Ее комнате, пытался завести какой-то легкий разговор, но Она, как и ожидалось, не забыла про ту колкость насчет нацистов в Ее адрес. И решила на время обидеться. Если бы я просто оставил Ее на часок в покое, все бы обошлось. Но что-то снова потянуло меня за язык, и я ответил на агрессию агрессией. Не помню уже, о чем скандалили — скорей всего снова перебрали все старое — но после этого я опять чувствовал себя ущербным и злым. И виноватым. Правда, теперь непонятно было, за что именно: за свои недостатки или же за какую-то ошибку в прошлом... Какую? Ладно, не хочу об этом больше.

24

ЧЕСТНО ГОВОРЯ, Я УЖЕ и не знаю, о чем еще рассказать, как еще описать те дни и что добавить. По возвращении в Москву мне показалось, будто мы вынырнули из спячки — долгой и утомительной. Хотя на самом деле пробыли там совсем ничего... И я уже тогда смутно помнил какие-то детали — все, что помнил, уже вам выложил. Ну... почти все — моей истории ведь еще не конец. Кое-что еще, пожалуй, добавлю. К каким только сравнениям этого города и нашего пребывания в нем я не успел уже прибегнуть... Так вот, раз уж я начал и про Спячку, продолжу цепь ассоциаций, и вставлю сюда еще и образ *медведя*. Частенько бывает, что во время уютной и сладкой *спячки* (хоть наша таковой, разумеется, и не была) происходит нечто внезапное, взрывное и нередко катастрофичное, столь резко контрастирующее с предыдущим состоянием — *медведя* вдруг кто-то тревожит и вырывает его из забытья. И тот, опьяненный и полный ярости, принимается шататься по лесу... Вот и у меня произошло нечто отдаленно похожее — всплеск, потревоживший однообразие и обостривший чувства. Хотя... вы знаете, воз-

можно только мне одному пришло в голову такое бредовое сравнение. В любом случае, сейчас сами и решите... Вот как это было.

— Видела, тут возле Универсама парикмахерская стоит?

— Ну и? Неужели решил подстричься? — Она усмехнулась, вертя в руках фотоаппарат, — ужасные фотографии... НЕТ! Не смотри сюда!.. Я здесь уродина... Гриша, ну ты что, нормально фотографировать не можешь? Который раз размытая...

Мы снова сидели в нашем кафе. Снова за тем же столиком. И снова перед нами были черный чай и... нет, тогда у Нее тоже был чай — коктейля в тот день не оказалось. Я понял ее сарказм по поводу «подстричься» — Она много раз на этом настаивала, но я только-только кое-как отрастил волосы, и мне с ними расставаться было жаль. Другое дело, что выглядел я придурковато со светлыми кончиками и темными корнями — после поступления в институт я сдуру покрасился в белый...

— Да нормальная ты здесь... Вот только эту не удаляй, ладно?!..

— Ай, отстань... Ну, чего ты про парикмахерскую спросил?

— Да не, ладно, ничего...

— Ну, говори быстрее!

— Да на самом деле пустяк. Просто подумал... Интересно, какие тут сейчас цены. Может, подскочили с кризисом? И насколько подскочили?.. Хотя кризис, наверно, до сюда не доковылял, — я усмехнулся.

— Ну а зачем тебе?.. Зайди и узнай, если интересно. Может, подстрижешься заодно... не мешало бы.

— Просто я вспоминаю, и не верится, что когда-то мне здесь и «теннис» и мелирование все вместе обходились чуть меньше двухсот... В Москве бы...

— Сколько?.. Ну ладно, быть такого не может. Ты что-то путаешь.

Я рассмеялся.

— Ну вот, что я и говорил: в Москве бы, услышав такое, покрутили б пальцем у виска.

— Хм... Давай и вправду зайдем, мне тоже стало интересно.

— Подожди-подожди... Такие цены были не в этой конкретно парикмахерской — та, в которой я стригся, в другой стороне, за Стеклашкой... ну, универмаг такой есть, я тебе его, кажется, уже показывал — сейчас в нем уже ничего интересного. Здесь, по-моему, цены были подороже, но ведь не могут в двух парикмахерских из одного поселка цены отличаться *кардинально*, верно?.. Не помню, в каком классе я еще стригся за эту

цену (ведь они и здесь растут со временем), но запомнилась, почему-то, именно она. Просто сложно представить, *как* за какие-то пару лет может измениться цена на какую-то там стрижку... Так что реально интересно посмотреть. Все равно делать нечего...

— Ну так пошли, посмотрим.

Я улыбнулся:

— Может, постригусь заодно.

— Надо же!..

— Нет, серьезно. Налысо.

Она на секунду замерла, словно ошарашенная, а потом прищурилась:

— Не верю.

Я Ей лукаво подмигнул:

— Думаешь, слабо? Пойдем-ка.

Она как-то странно улыбнулась и снова прищурилась:

— Ну смотри, ловлю тебя на слове.

— Ну пошли-пошли... пока я не передумал.

Для большинства мужчин ничего не стоит побриться налысо — обычное явление. Но в вас бы тоже закралось и сомнение, и удивление, знай бы вы меня раньше. Я был... как бы это сказать... и по образу своему, и по поведению... ну, в общем, я был из тех типов, которых трудно представить лысыми. В общем, это был не мой стиль, да и просто не *мое* — такого от меня никто не мог ожидать. С чего же мне вдруг впервые в жизни пришло это на ум?.. А вот причина — и есть то основное, о чем я хотел рассказать.

Все началось с внезапного пика, всплеска... хотя вру — корни гаятся в том, что было во мне всегда — в тех потайных страхах, которые обострились здесь больше, чем где бы то ни было. На протяжении нашего пребывания в Воркуте, всем правила скука и однообразие, как я уже говорил — и это верно. Но ведь я привык к подобному существованию, и это гораздо больше угнетало Ее, но не меня. Меня же, помимо этих факторов, вполне сносных, на протяжении всего этого времени еще и щекотали страхи и переживания. Обо всем этом я уже вам рассказывал, и не один раз. Так вот, с каждым днем эти страхи становились все ощутимее и резче, а щекотание стало отдавать болью. Пока они, наконец, не достигли своего пика, грозящего моему психическому равновесию. Это и было тем самым всплеском — внезапным *пробуждением медведя* во время Спячки. Паранойя вернулась. Не столь неожиданно, но в полной силе и с эффектом ошеломляющим... Мы думали, что, схоронившись здесь, вдали от Ее родителей, она угаснет. Но паранойя все же вернулась — в другом облике и в этот раз лично ко мне. С каждой новой прогулкой становилось все более не по себе — я

косился по сторонам и с ужасом отмечал для себя потенциальную угрозу. Любой липовый рэпер, любая компания курящих подростков взрывались во мне страхом и ненавистью. Я ловил себя на том, что дохожу до помешательства, и злился на себя — так, как не злился на меня еще никто, даже вспыльчивая *Она*. Каждую ночь, наблюдая за гуляющей молодежью под окнами, я смотрел на них с балкона, стискивая зубы, как загнанная крыса из вынужденной засады. Мне хотелось что-то крикнуть им, швырнуть в них сигаретой или звучно сплунуть... Мне хотелось стать другим, побороть эти страхи, отключить рассудок и стать по-настоящему агрессивным — или, по крайней мере, казаться таковым. Чем дальше, тем больше мной овладевали подобные мысли и терзания — они будто перекрывали мне дыхание, они истязали меня. Я все больше и больше закипал низменной злобой, пытаюсь взрастить в себе жестокость — жестокость сильного существа, а не ту омерзительную озлобленность слабой твари. Но все мои старания вели как раз таки ко второму, и я понимал это. И злился на себя еще больше. Каждую ночь я ложился в постель, обессиленный самоистязанием. Я исходил ненужной и бесильной злобой — и чувствовал себя так, будто меня привязали и бьют, а я не в силах освободить руки. Несколько раз я даже то и дело пыривался выскочить ночью на улицу, чтобы слепо избить первую попавшуюся «сволочь», но рассудок (или же все-таки страх? Ах ты, сукин сын, удобно прикрываться рассудком...) меня каждый раз останавливал. Я прекрасно все понимал: и как это выглядит, и куда это все меня ведет, но не мог ничего с собой поделать. Я знал, что если одержу верх в драке, то сразу же исполнюсь состраданием, если тот заплачет, — так было уже однажды, пусть и один единственный раз... но ведь и дрался я... почти что не дрался никогда. И эта мягкотелость бесила меня в том числе — чтобы позволить себе мягкое сердце, нужно быть действительно могучим, а я тут не подходил по всем параметрам. Окружающий мир требовал оскала, жестокости — чтобы отпугнуть раз и навсегда. Вот я и старался сделать себя таковым... старался казаться... Я хотел научиться отвадить какого-нибудь подонка одним только взглядом, ведь в глазах — все. Но мне мешал этот город... Он слишком хорошо знал меня в прошлом, он обличал меня, он будто нашептывал всем вокруг о моих страхах, и мне даже начало казаться, что они злобно улыбаются в предвкушении, что это по поводу меня отпускают друг другу шутки, что это они Ее... *О нет, только не ОНА*... И я решил побриться. Да,

именно — побриться наголо. Я смешон, знаю, но я достиг самого настоящего отчаяния, а в этом пустяке я видел... словно очищение от всех шаблонов моего прошлого, которые я начал навешивать на себя сам, и которые довесил за меня Город. Я хотел исправить этот опротивевший образ, это смазливое личико — содрать мерзкую мишуру, пусть она и окажется моим настоящим Я. Неважно. Все, чего мне адски требовалось — это нужный камуфляж. Побреюсь, отпущу щетину, буду угрюм и груб голосом — да, именно то, что нужно. И еще моя любимая неформальная футболка «Freak Show» обрела бы теперь на мне истинную свободу. Загоревшись этим, я словно бы ухватил скользкими от пота пальцами ту ниточку спасения. Мне будто дали глоток огня, и я гордо радуюсь обожженным внутренностям...

— Ну что? Или передумал?

— Нет. Жди.

— Гриш...

— Я быстро... не надо разговоров, а то я сейчас сбегу отсюда. Ну все, не подглядывай только...

— Молодой человек, очередь еще не подошла!

— О... Так ты об этом... Да, конечно, извините. Блин...

Она рассмеялась, когда я вернулся на диван:

— Не дрейфы! — Шлепнула меня по ноге.

— Да уж... набираюсь духу...

Странно было смотреть на себя в зеркало, когда под напором машинки слетали длинные ошметки секущихся, попорченных краской волос. С одной стороны, я чувствовал некую досаду и волнение перед неизведанным, с другой же — дикое облегчение и возбужденный интерес. На моих глазах ваялся новый образ, я словно проходил какой-нибудь обряд очищения. И вот я уже с примесью шока, восторга и стеснения (первое время после этого никак не мог отделаться от ощущения, будто меня раздели) видел в зеркале другого человека. Честно говоря, я не ожидал. Не ожидал, что будет... настолько хорошо. Даже brutally... всю жизнь я считал, что лысым смотрелся бы чересчур нелепо. Вставая с кресла, я уже и вел себя с парикмахершей по-другому, как-то иначе светился мой взгляд, другим был голос... хотя, может быть, это было очередным самовнушением. Но на этот раз — чертовски полезным самовнушением.

Я вышел в прихожую с замершим сердцем. Возбуждение и ликование перехватывали дух. Посмотреть бы теперь на Ее реакцию... Она сидела на диванчике, прикрыв ладошками глаза и не решаясь взглянуть на меня. Я широко улыб-

нулся, и судя по всему Она это услышала (ну, знаете, когда кто-то рядом влажно так улыбается, зачастую это можно действительно *улышаться*), потому как отдернула руки от лица. Мне казалось, у Нее перехватило дыхание. Такого стеснения на Нее не накатывало со дня нашей встречи, а такого ошеломления я и вовсе никогда не видел.

— О, Господи... кошмар!.. — Она прикрыла глаза ладонями, а через мгновение решила снова их отдернуть. — Гриша... ужас...

На протяжении нескольких минут в Ее лице ежесекундно что-то менялось, хаотично разливались какие-то процессы: оно то румянилось, то взрывалось улыбкой, то сковывалось шоком. Я стоял и молча улыбался, порой немного смущаясь. Я и не думал, что на Нее это произведет такое впечатление, не мог понять, что же все-таки Она чувствует. Особенно когда высказывали восклицания типа «кошмар!» и «ужас!» — я недоумевал и начинал бояться, что выгляжу на самом-то деле нелепо и мерзко...

— Что... почему кошмар?.. Неужели так плохо?..

Она, наконец, успокоилась и с живым интересом меня разглядывала — словно встретила в первый раз.

— Да нет, это... странно.

— Ну скажи наконец, хорошо или плохо!.. Я же с ума сейчас сойду! По-дурацки выгляжу?

— Да нет! Я не ожидала просто... Знаешь, ты как будто... мужественнее что ли, стал. Я бы приняла тебя за бандита...

Я стал о чем-то шутить и полез к Ней обниматься, и Она почему-то смутилась. Я отреагировал тогда на Ее слова дурацкими шутками, но душа моя ликовала. Она даже и не подозревала, насколько мне полегчало от этих последних слов — мне будто поставили выгодный диагноз. Чуть позже я узнал, что у меня даже шрам на макушке — откуда-то с детства, судя по всему. Это меня вдохновило еще больше — шрамы дают чувство защиты. О да, после этого события я еще долгое время чувствовал себя уверенней — психическое равновесие приобреталось вновь... ну, по крайней мере, я уже не боялся *сойти с ума от паники*, как бы абсурдно ни звучали эти слова. Паранойя, конечно, не исчезла окончательно — но заметно ослабла.

25

НУ А ДАЛЬШЕ... ЧТО ЖЕ было дальше?.. Да не произошло ничего особо интересного. Просто я чувствовал и себя и мир вокруг теперь не-

много иначе. Мы все так же ходили в наше кафе, я все так же выходил покурить, пока остывал чай. На людей, крутившихся вокруг, я смотрел с нарочитым дерзким спокойствием, а еще любил поиграть в гляделки. Когда я встречался со своими «потенциальными угрозами» глазами, то старался никогда не отводить взгляда первым. Может, это и глупость, но тогда я верил, что это меня тренирует. И каждый раз, когда тот или иной отводил взгляд, я преисполнялся чувством победы. После моего «очищения» было несколько непримечательных событий, которые для меня, по правде говоря, что-то, да значили. Однажды по дороге в кафе мы встретились с бывшим одноклассником. Мы перекинулись парой слов и разошлись — всего-то. Но я почувствовал, что тот удивился переменам во мне, и это вызвало тихое ликование. Еще он с интересом посмотрел на Нее, но я не стал представлять их друг другу (по правде говоря, у нас это было не принято), и оставил его со своими догадками. В другой раз я увидел еще одного одноклассника — придурка, которого в школе люто ненавидел (потому что боялся...). Но он меня не узнал, и я равнодушно прошел мимо. Что же еще?.. С бывшими знакомыми все, пожалуй. Была еще парочка неожиданных встреч, которые оставили не самые положительные впечатления. Когда мы с Ней прохаживались по рядам Универсама, Ее чуть не задела сумасшедшая бабка, которая не смотрела, куда идет...

— Осторожней!..

Бабка обошла нас, прошла несколько шагов, затем словно очнулась и проголосила нам вслед:

— Господь не говорил «осторожней»! Вот и больная из-за грехов своих, покайся!..

Мы резко обернулись, ошарашенные. Бабка заковыляла дальше. Ее лицо налилось гневом. Я тоже, было, вскипел, но вдруг вспомнил: эта самая бабка шаталась по поселку и несла всякую околесицу о чужих грехах всю жизнь, сколько себя помню... Я погладил Ее по плечу:

— Не обращай внимания, эта карга сумасшедшая, — и стал рассказывать о случаях, когда мы, детьми, играли во дворе, а эта бабка начинала гнать всякую фанатичную чушь о сексе, презервативах и прочих «греховных штуках». Эти истории смягчили Ее негодование, а затем и вовсе вернули веселость.

Вообще, Она нередко замечала, что Ей всю жизнь везло на психов и всяких бесноватых — их тянуло к Ней, как магнитом. Несколько раз я и сам убедился в этой странной закономерности. Как вот, например, во дворе, возле нашего дома, прицепился некто странный. Завел с нами разговор, как-то странно вдруг решил излить

нам душу и делился, чем только можно. А вообще это походило на обычное балаболство, и меня это напрягло — небось, ему просто понравилась Она. И тем не менее, он был действительно странноват, и порой говорил вещи совсем уж не к месту (например, прервал свой треп, чтобы спросить, давно ли я побрился). Затем выяснилось, что он вернулся в Воркуту, чтобы хоронить жену, которую не видел семь лет. Поначалу рассказ тронул, хоть и желание скорее отделаться уже все пересиливало. Но мы как-то засомневались в правдоподобности истории, когда сказал, что его жена умерла при родах его ребенка... Мужик всучил нам несколько бубликов — за упокой жены. Оказалось, он ходил по поселку (который не видел семь лет, если это правда) и раздавал детям сладости — да, сейчас еще часто можно встретить такую традицию, особенно в провинциях.

— ...Дети сейчас другие. Сейчас вот, трое шпиндюков таких... лет по девять... На, говорю, вот печенье, подите сюда, угощу. А они мне? Не, говорят, мобильник давай!..

В конце концов, мы все-таки от него отделались... Хотя у Нее еще долго сыпались из карманов его семечки — теперь они в Москве.

В общем, не знаю. Может, мужик говорил отчасти правду, хоть его вид и не внушал доверия. Знаю лишь то, что эта странная встреча оставила неприятный осадок. И мы, возвращаясь, оставили бублики на подоконнике подъезда. Может, из брезгливости и недоверия — вполне может быть, хотя и несколько больно в этом признаваться. Меня что-то кольнуло внутри из-за такого пустякового поступка... Как будто, избавляясь от бубликов, дарованных «за упокой», я как раз и применил ту холодную жестокость, которой в отчаянии хотел себя научить. Это сложно объяснить, но мне было не по себе. И еще этот его странный вопрос о стрижке — он мне запомнился. Наверно, снова дала знать о себе паранойя, но ведь этот мужик тогда словно обличил меня — будто догадался, что я только-только сменил личину...

26

НО Я, КАЖЕТСЯ, СИЛЬНО отвлекся от первоначальной причины нашей поездки. За всеми этими пустяковыми описаниями быта я совсем забыл о тех, из-за кого, по сути, мы и провели часть лета в каком-то забытом Богом холодильнике, а не там, где намеревались. Речь о Ее родителях. Думаю, не лишним будет сообщить, что наши бредовые опасения по поводу них так

и не оправдались. Они не погнались за нами, не ломились в дверь и не звонили на домашний. Они не стали подавать в розыск и избивать наших друзей. Более того — они даже не звонили Ей больше и не писали. Казалось бы — вот и здорово, чего еще желать? Мы вроде бы как добились своего, выиграли Ее независимость — не этого ли нам хотелось?.. Правда, до сих пор оставались опасения, что это некое затишье перед бурей — трюк с убиением нашей бдительности, и по возвращении нас может ожидать засада... Да уж, это сумасшествие настолько глубоко в нас въелось, что пройти ему было суждено не скоро. Но это уже были лишь отголоски былых подозрений, и мы здраво понимали, что все — вот и конец этой нелепой истории, и все прошло намно-ого лучше, чем мы ожидали. Мы выиграли, а Ее родители смирились. Оставалось только побыть здесь до конца намеченного срока (из предосторожности, чтобы окончательно все успокоилось), и можно спокойно возвращаться... Все-то оно так, только вот... Она. Легче Ей от этого не сделалось — наоборот, с каждым днем становилось хуже. От Ее усугубляющегося душевного состояния начинало ныть в груди, и я уже тоже не чувствовал облегчения — а временами даже втайне вспыхивал недоумением и раздражением.

Я не мог с точностью сказать, из-за чего Она такая. Может быть, Воркутинская атмосфера окончательно уже Ее вымотала и высушила. А может, *это* брало начало куда раньше — от самой операции. Наверно, операция сильно повлияла не только на физическое состояние... Я пришел к этому не сразу, но чем дальше, тем сильнее меня одолевали всяческие догадки по этому поводу. Может быть, это операция нанесла сильный эмоциональный удар, из-за которого Она и стала беспокойнее, восприимчивей, более требовательной и ранимой — и вообще приобрела несколько других странностей, которых я так долго не мог понять. Я по-настоящему испугался, что Она теряет веру в себя, что этот настрой может прогрессировать, пока не изменит любимого человека до неузнаваемости... Впрочем, это была лишь одна из версий причин Ее поведения. В конце концов, в любом человеке что-то подрывается после подобной жизненной травмы. Не обязательно же все должно зайти так далеко и... В общем, ладно, не будем об этом.

Короче говоря, Она не выдержала раздора с родителями. Не вытерпела этого долгого холодного расставания, которое сулило продлиться еще неизвестно сколько времени. Будь на Ее месте кто-нибудь другой — даже я, к примеру, меня бы это не убивало до такой степени. То

есть, я хочу сказать, что если ты считаешь кого-либо неправым (пусть даже и родителей...) и идешь на принцип, то надо уж дотянуть до конца, пока этот кто-либо не осознает ошибки. Иногда необходимо это перетерпеть, пусть это и нелегко. Особенно когда это касается конфликта с родителями. Почти у всех рано или поздно доходит до этого дело — пусть и в разной степени. Да, все эти нелепые ссоры с родными и ранят, и трудно переносятся, но... черт возьми, не до такой же степени!.. Хотя меня и пронизывало сострадание, я не мог удержаться от вспышек возмущения и, может, даже злости. Для меня наш отчаянный шаг бросить все планы и ринуться в город, в который я когда-то поклялся не возвращаться (притом, когда Она еще не оправилась как следует), значил очень даже многое. Я решил на него с трудом и не по своей воле. Но если это требовалось для того, чтобы Ей раз и навсегда решить вопрос с родителями, то это, пожалуй, того стоило. Ну, с небольшой натяжкой... Но все же. Но когда на моих глазах весь наш план, все то, чего мы почти что добились, готово было полететь к чертям... в общем, нетрудно представить и понять мое *маленькое недовольство*. Сначала Она пыталась узнать о реакции и намерениях родителей через свою сестру, но та не давала толком никаких сведений. Создалось впечатление, что родители как-то заугрюмились и приутихли, а о нас с Ней заводить разговор не желают. Тогда Она решила просто ждать. Но дни текли и текли, и ничего нового не происходило. Может, в какой-то период времени Она уже стала *надеяться*, что Ей позвонят или хотя бы напишут, а не бояться этого. Но нет — ничего такого не произошло. И вскоре Она стала по ним изнывать... Вообще Она очень вспыльчива: часто может обозлиться и наговорить всякого, но все это довольно быстро проходит. Долго держать зло и помнить об обиде у Нее никогда не получалось (особенно с родными), в этой игре принципов Она всегда проигрывала. Думаю, это одна из Ее главных слабостей... и, пожалуй, одно из преимуществ. Такой характер делал Ее слишком уязвимой, но, возможно, и более живой, человеческой. Не знаю, может, я и ошибаюсь. Сам я, например, часто могу быть злопамятным. По крайней мере, могу заставить себя идти до конца, если того потребует гордыня. И я не уверен, что это хорошо.

Так или иначе, с каждым днем Ей делалось хуже. Возникла потребность срочно как-нибудь развеяться, отвлечься. И мы предприняли несколько поездок в город. Сам город я практически не знал, хоть и прожил рядом столько лет.

Может, я просто никогда и не пытался его запомнить. Поэтому с нами вызвалась погулять моя двоюродная сестра, которая там жила. Наверно, так было даже лучше — уж она-то умела поднять настроение и внести какое-то разнообразие. Вообще я своей сестре не раз поражаюсь. Она действительно *любила* этот город. Здесь у нее была куча друзей и знакомых, она знала Воркуту как свои пять и всегда умела весело в ней проводить время. Я просто не представлял себе, *как* тут можно развлекаться столько времени... Сестра же знала самые лучшие места и везде имела удобные знакомства. Все самое лучшее, что только можно тут откопать, открывало перед ней двери. Помимо прочего она еще и частенько выступала, пела, крутилась в культурной жизни города ровно так же, как и в клубной. Да, моя двоюродная сестра была кем-то вроде светской леди. Все это хорошо, но я никак не мог взять в толк, как это ее энергичность и позитивный настрой до сих пор не задавила атмосфера Города, истинная его сущность... Или же для сестры Город был другим?.. Наверно, мне этого никогда не понять. Может быть, она и не прочь была бы переехать куда-нибудь, если бы была возможность. Может... кажется, я понимаю. Она всего-то навсего не стала умерщвлять себя нытьем, как я. А на полную катушку использовала то, что дано. Жить-то, все-таки, один раз. Кто знает, как все сложится — глупо все время сидеть в норе и надеяться на чудо. Нужно пастись тем, что есть, если не уверен в силах перейти туда, где трава зеленее. Да, кажется, теперь я ее понимаю...

Знаете, я так глупо все это время отзывался о Воркуте, в каждом моем упоминании о ней и обо всем, что с ней связано, разлито столько желчи и детской ненависти, что это выглядит совсем уж неестественным и гротескным. Не удивлюсь, если многие не поверят в такую неприязнь. Слишком уж искусственно кажется — даже теперь для меня, Григория из будущего. Но, могу вас уверить, все ровно так и было — до того, как во время той поездки у меня не начало меняться восприятие этого города. Не сказать, чтобы теперь я его любил, но... желчь из меня вышла. Просто теперь все поутихло. Я и по-прежнему не верю в будущее города, я и по-прежнему не считаю его заслуживающим какого-то особого внимания. Просто теперь это не подпитано ненавистью. Есть неприятный осадок — и только... И раз уж я упомянул о наших с Ней поездках в сам город, хотелось бы признаться в одной вещи, чтобы не быть к нему совсем уж несправедливым. Воркута все-таки бывает красивой. Да. Даже обворожительной, фантастической... Когда близится Но-

вый год, разноцветными гирляндами обматывают каждое голое деревце, растущее по бокам главной улицы. Так вот представьте себе северные ночи, потонувшие в снежном великолепии и морозном воздухе, все эти огни вокруг, запах пепарда и звуки стреляющего шампанского, всех этих радостных людей, зарывшихся в меха и вываливших на улицу в сорокаградусный мороз встречать рассыпающиеся по небу салюты... Представьте оживший снежный городок, поблескивающие горки и северное сияние. Упряжки северных оленей и ненцев, разбивших лагерь прямо под окнами какой-нибудь пятиэтажки... Все то, за что мы любим Новый год, это праздничное чудо кажется здесь ближе и осязаемее, чем где бы то ни было. Меня даже нередко посещала мысль, что этот город живет круглый год одним унынием и неприветливостью, чтобы только на какие-то несколько месяцев зимних праздников явить собой *сказку*. Так что с твердостью теперь заявляю, что Воркута *бывает* красивой. Просто... Воркута живет, действительно *живет* и пленяет, пока живут ледяные фигуры в ее снежном городке. Ну а мы с Ней выбрали неподходящее время для визита...

В целом, вместе мы провели время очень даже неплохо. Посидели в каком-то ресторанчике, сходили в бильярд (где заведовал знакомый сестры), прогулялись немного по городу. Затем наведались к тете, которая тоже жила в городе. Я думал, Ее это отвлечет, но помогло не особо.

27

ОНА РЕШИЛАСЬ НАПИСАТЬ сама, написать, что больше так не может. Я помню, как Она писала родителям несколько раз, но не помню, ответили ли Ей сразу. Если и ответили, то не слишком радушно. Это Ее вконец лишило сил. Наверно, тогда я был к Ней слишком несправедлив. Это можно понять лишь тогда, когда тебя самого отвергнут родители, или же (Боже упаси...) когда ты их лишишься... Пока они есть... ну есть и есть — подумаешь. Большинству от этого, равно как и мне, ни холодно, ни жарко. Мы воспринимаем их как данность. Они просто *есть*. Можно даже долго быть с ними в ссоре, практически не общаться, если ты не слишком эмоционален. Но если вдруг что-то выбьет тебя из колеи... если вдруг твой собственный стержень пошатнется... если тобой вдруг овладеет слабость и нарастающий страх... тогда-то эта разлука и отзовется куском льда, больно застрявшим в сердце. Только тогда, на краю пропасти (пусть на самом-то деле пережи-

вания и пустяковы, неважно — для тебя в тот момент это пропасть), тебя окатит жалость к себе и вспыхнет дикое сожаление и нужда в тех самых отвергнутых или отвергнувших *Родителях*. Раскаяние, пусть и недолгое — только пока ты слаб — выльется слезами, и они (родители) будут нужны тебе, как воздух, словно в них заключается твоя опора, твои корни, которые могут защитить, уберечь от падения; которые не дадут затеряться в этом мире, ставшем вдруг таким огромным и неприветливым... Как же совестно, как жалко, что все это овладевает нами только тогда, когда мы нуждаемся в помощи. Ровно так же и молимся мы только тогда, когда нам плохо. Что мешало таким, как я, просто сказать, когда все хорошо: «Мама, я люблю тебя». Или «Я люблю тебя, Господи»? Просто так, не из-за чего?.. Нетрудно догадаться, что это вдруг нашло на меня. Если б я не захворал, этого б абзаца не было...

В конце концов, Она решилась позвонить и поговорить, и разговаривали они довольно долго. Видели б вы Ее в те минуты. Как Она переживала, как не могла унять дрожь перед звонком, как во время разговора менялось Ее лицо. Оно было то жалостливым, то вновь черствело и бледнело от искр надвигающейся злобы, но Она понимала, что сейчас нельзя, что если вспыхнет, Ей не помириться. И как же больно мне было смотреть на то, как мы проигрывали наше сражение. Это уже становилось совершенно очевидно: Ее мать пошла на примирение, но не осознала своей неправоты. А Она, как вышло, выступала кем-то вроде блудной дочери. И понимала, что не в силах больше что-то доказывать и продолжать вести этот бой. Во мне смешались чувства несправедливости, отчаяния и жалости к Ее состоянию. Что ж, делать было нечего — все рухнуло, все было зря. Я не знал, что теперь будет со мной и с их ко мне отношением. Ее родители были уверены, что это я подговорил Ее применить хитрость и улизнуть. То, как они ко мне теперь относились, было очевидным. Оставался теперь только один вопрос: насколько сильно они меня невзлюбили... Готов поклясться, что я до сих пор ожидал, что ко мне как-нибудь решат наведаться гости от Ее отца. Что же до меня, то во мне тоже кипела жгучая обида, которую перебороть мне удалось совсем нескорю.

ВОТ, ПОЖАЛУЙ, и все — теперь точно добавить нечего. Я долго думал, как закончить, сочинял какие-то неожиданные концовки... но знае-

те, лучше я оставлю все как есть. Если уж решился быть с вами искренним, то буду честен до конца. Возможно те, кто осилил-таки эту нелепую, но вполне заурядную историю до этого момента и придут в негодование. Но если хотите, можете сами что-нибудь допридумать — тут много чего могло случиться и вполне сойти за правду. Но, к лучшему или к худшему, все завершилось именно так. Дальше оставаться в Воркуте у Нее уже не было сил, да и нечего тут уже было делать. Моя Мама, конечно же, была рада, что все налаживается, и поехала менять нам билеты. В результате вместо запланированных двух месяцев мы пробыли там чуть больше двух недель. А казалось, не меньше года... Мать взяла нам купе, и обратно мы доехали с приемлемым комфортом (особенно если сравнивать с той поездкой) и без происшествий. Ну а как оказались в Москве... это чертовски весело, но вместе мы там не пробыли и недели — Она поехала *погостить* у родителей, где намеревалась пробыть с недельку — чисто ради приличия, а в результате вернулась только через... месяц!.. Можете верить или нет, но, сидя на подоконнике в курилке, в уже далеком конце августа, мысленно переваривая все это и подводя итог... я дико захохотал. Как же все это было смешно и нелепо, и как же приятно все-таки было осознать нас всего лишь детьми, которые нагнали вокруг столько шума... Да уж, лучше было мне, якобы нехотя, признать себя еще ребенком. Потому что в противном случае я выходил полнейшим идиотом...

Неожиданное послесловие

ПИШУ ЭТО ДВА ГОДА спустя. Странно было перечитывать эту сентиментальную, наивную писанину... Два года она пролежала в столе, ожидая доработки, но я все не решался взяться за нее вновь. Из-за каких-то сомнений, может, моральных измышлений, личной неприязни, из лени, в конце концов... Но было в ней кое-что, что не позволило оставить ее навсегда в запечатанном конверте, в темени запертого ящика. Нечто, за что я начну отчаянно цепляться в себе уже в скором будущем, по капле собирать в горсть и печально смотреть на это, просто смотреть, пока оно согревает мне руки. И медленно, но безвозвратно утекает сквозь пальцы. Та самая наивность, восторженность, подростковая глупость. Ну и еще я наконец захотел исповедаться — сделать то, что задумывал еще тогда, берясь за ручку. Всего-то и хотел написать про одно лето, но то и дело выходил за поставлен-

ные рамки, расписав чуть ли не всю жизнь, всего себя. Вот и сейчас то, что я хотел бы добавить, уходит далеко за пределы того лета.

Вскоре мы поженились. Я понимал, что был не готов, незрел для этого, но куча бытовых мелочей, удобных и даже необходимых в Ее положении, перевесила чашу весов. Нам дали отдельную комнату, и теперь мы наконец могли обустроить свое Гнездо, как вздумается. Много чего было, много чего запомнили эти унылые серо-голубые стены. Каждая вещь в комнате дышала нашим вкладом, участием, и под конец каждая из этих вещей дышала невыносимым перегаром... Горькой приторностью некогда родных духов, нездоровой духотой и чем-то, некогда стгнившим на нашем столе, выброшенным, но так и оставившим запах. Под конец эта комната пахла пошлостью.

Все началось с апатии и депрессии. Сначала это была просто лень, потом все стало усугубляться. Полгода невыносимых и смешных мучений, полгода меня что-то пожирало. А может, это я сам себя пожирал... Не знаю. Но мне чертовски стыдно и неловко было называть это «мучениями». Чувствовал себя последним имопозером. Ведь после знакомства с Ней я стал презирать домашних нытиков, которые не знали настоящих бед, у которых в жизни ничего не происходит — вот они и придумывают себе «страдания», вот и вешаются со скуки. А теперь я мало отличался от них. Разве что, может, осознанием и чувством вины по этому поводу. Ведь если взглянуть со стороны, повода для того, чтобы так мучиться, не было никакого. То, что другие бы стерпели, как неприятный зуд, я остро воспринял, как настоящую пытку... Это было нечто странное, и я стыдился называть это «болезнью». Не знаю, с чего все началось, но скорей всего виноват в этом был только я. Может, и не только, но уж отчасти точно виноват... Именно так я думал. Всеобъемлющая, подавляющая последние остатки воли Лень. Вот что было. А еще апатия, равнодушие... Меня мало что интересовало, мало что высекало из меня искру — понастоящему занимали и увлекали только компьютерные игры, в которых я и нашел укрытие. Вместо того, чтобы раскрасить Ей жизнь хотя бы той палитрой, которая была доступна с Ее ногой, вместо того, чтобы куда-то Ее водить, я целыми днями валялся с ноутбуком в постели. Я пытался привить интерес к каким-нибудь занятиям, работе, учебным предметам... Но тщетно. Да и попытки были вялыми, надо признать. Никаких планов на будущее, никаких заготовок и головных болей по поводу работы. Конечно, я осознавал свое состояние, но силы воли не хватало,

чтобы все изменить. Не было запала, стимулирующей искры. Не раз пытался себя встряхнуть, заставить подумать о будущем. Лезу и думаю: «Так, наверняка в мире есть занятие, которое будет мне по душе. Наверняка есть доступная и интересная работа. Надо ее найти!» Но как ни перебирал в голове варианты — все тухлое... Я был живым трупом. Соображающим и рдеющим от стыда, но трупом.

Ну а где-то весной началось настоящее веселье. Что-то с желудком, кишечником, желчным пузырем... Такое общее болезненное состояние. И еще паника. Жуткая неконтролируемая паника, связанная с этими дискомфортами в организме. Она меня пожирала и изматывала, порой доходя до такого пика, что я выбегал с лекций, хаотично шатался по окрестностям и готов был просить о помощи у каждого прохожего... Это было ужасно и невыносимо, каждый раз было такое впечатление, что еще чуть-чуть, и я слечу с катушек. Или задохнусь до того, как доедет этот поезд метро. Или упаду в обморок. Кружилась голова, иногда подташнивало, да и вообще я часто погружался в калейдоскоп всевозможных фокусов и адских ощущений, за которые отвечают эти органы — желудок и кишечник. Это было страшно, мучительно и жутко униЗИтельно. В моих карманах была расфасована целая аптечка — куда бы ни шел... Я понимал, какое жалкое зрелище представляю, из-за каких пустяков паникую, и не понимал, почему это со мной происходит. Я ничего не мог поделать... За все это время очень сильно отошал. А образ жизни так и не изменил. Теперь уже я боялся его менять. Передвигался без резких движений, ссутулившись — боясь, что если выпрямлюсь, желудок натянется и снова даст о себе знать. В конце концов Она не выдержала... Наверно, Ей все же было меня жаль, но Она, как и я, все зло видела в моем убогом образе жизни, в слабости. Ближе к зиме Она наконец избавилась от палки, избавилась от униЗИтельной необходимости в чем-то постоянном присутствии, в помощи по поводу любой бытовой мелочи. Зато обрела необходимость жить: настолько ярко и активно, насколько позволяла травма. Но я не водил по театрам и выставкам, гулять со мной было скучно. Я не чувствовал ни стимула, ни желания постоянно бодро улыбаться и пускать фейерверки из рукавов. Наши отношения окончательно пошли под откос. И вскоре мы развелись. Чуть позже я наконец смог самому себе признаться, что все зло было в сердце. В этом чертовом сердце, которому чуждо было все размеренное и спокойное, которое все время цеплялось за контрасты и нуждалось в искрах, по-

стоянных искрах... Я не знаю, что такое настоящая любовь и теперь. Не уверен, буду ли знать это и на смертном одре. Я не знаю, есть ли она вообще. Но сейчас это и неважно. У меня оскал и битое стекло в карманах. Да, весьма глупая стратегия. Пора бы быть мудрее, и все такое. Но иногда приходится сделать шаг назад, чтобы научиться выживать.

Но я не жалел обо всем этом. Не хотел повернуть время вспять и с наслаждением послать Ее при нашем знакомстве. Всегда, даже по сей день, у меня было какое-то мистическое ощущение, осознание того, что все случилось именно так, как нужно. Возможно, где-то я не настолько выложился, насколько требовалось, где-то Она оказалась недостаточно чуткой, но в целом — мы отыграли то, что должны были. Пусть это будет Судьбой. Возможно, двум совершенно разным, но отмеченным каким-то Божественным жестом людям (кстати, у нас у обоих была родинка на ладони — при прикосновении они совпадали) суждено было соединиться. Не на всю жизнь, а

именно на какой-нибудь срок — для чего-нибудь важного. Ей требовался некто очень близкий, кто поддержит в трудный период операции и реабилитации. Ну а мне... скажем, некто очень близкий, кто зализет былые раны и расковыряет новые — для того, чтобы воспитать, чтобы заставить изменить свой взгляд на мир. Что бы там ни было, я и, правда, благодарен за это. Пара Ноя спаслась на корабле, пережила шторм, чтобы высадиться в новом мире и разлететься в разные стороны. Возможно, наши пути когда-нибудь еще пересекутся. Да, звучит ужасно банально и знакомо, не правда ли? Но так уж повелось, что миром правят банальности.

О, кстати говоря. Она нашла себе кого-то нового (то ли музыканта, то ли архитектора — не помню). И недавно у нее повторилась та самая ситуация с родителями. Этот парень велел заткнуть и пообещал запретить ее в комнате, чтоб никуда не сбегала... Она была в восторге. Вот он, оказывается, идеал.